

АННА ГУРОВА

МЕЛЬНИЦА ЖЕЛАНИЙ

АЛЕКСАНДР
МАЗИН

ПРЕДСТАВЛЯЕТ ПРОЕКТ
«АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРА XXI ВЕКА»

СОЗДАТЕЛИ МИРОВ

Создатели миров

Анна Гурова

Мельница желаний

«Анна Гурова»

2008

Гурова А. Е.

Мельница желаний / А. Е. Гурова — «Анна Гурова»,
2008 — (Создатели миров)

ISBN 978-5-17-053329-9

Герой этой истории родился в лесной деревушке на краю обитаемого мира. Вокруг – дремучие леса, полные нечисти. Дальше – тундра, где чужаков превращают в камни. Еще дальше, среди вечных льдов, – царство колдунов и оборотней. Похъёла. Именно туда герою и предстоит отправиться. Великолепное волшебное полотно, написанное Анной Гуровой по мотивам финского эпоса «Калевала» – это не просто героическое фэнтези. Не просто приключения, магия и поиски сокровищ. Это – тайна, которая спрятана в самом сердце подлинного северного волшебства.

ISBN 978-5-17-053329-9

© Гурова А. Е., 2008

© Анна Гурова, 2008

Содержание

Пролог	6
Глава 1	14
Глава 2	20
Глава 3	25
Глава 4	31
Глава 5	37
Глава 6	41
Глава 7	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Анна Гурова Мельница желаний

Пролог

- .1 - Луотола
- .2 - Калева
- .3 - Лосиный остров
- .4 - Заельники (род Сарелайнен)
- .5 - Бруснижное (род Марье)

Солнце вошло в густом тумане, а потом с севера налетел такой колючий и студёный шквал, словно кто-то наслал его с самого Вечного Льда. Ещё вчера море было зелёным, как летний луг, а теперь катились одна за другой тусклые угрюмые волны. Небо с утра затянуло слоистыми облаками. Солнце то проглядывало сквозь них расплывчатым пятном, то совсем скрывалось в мутной хмари. Одно хорошо – ветер оказался попутным. Поставили мачту, подняли парус – корабль побежал веселее.

Корабль был двадцативесельный драккар, всей команды – четыре десятка рабов-гребцов из саамских племен да кормчий, наемник-варг, с двумя помощниками. Управившись с парусом, варги устроились на корме отдохнуть и перекусить. Каждый вытащил свои припасы – то, что догадался взять в поход. Гребцов же не кормили третий день. Все, в том числе и сами гребцы, понимали, что это значит: обратной дороги для них не будет.

«Очень кстати пришелся попутный ветер, – подумал Бьярни, кормчий. – Ещё такой денек, как вчера, и господам тунам пришлось бы самим садиться на весла».

Он представил себе это зрелище и усмехнулся, убедившись, что туны не смотрят в его сторону.

Корабельщики задумчиво съели по вяленой треске, зажевали кислым ржаным хлебом, и Аке, молодой помощник, тихо спросил:

– Узнали, куда идем-то, дядя Бьярни?

– Куда похёльцы скажут, туда и пойдём, – ответил кормчий, суровостью тона намекая Аке, что лучше бы тому помолчать. Но помощник не унимался:

– Недоброе здесь место – что небо, что море. Вы заметили, что уже почти полдень, а тени не двигаются?

Бьярни промолчал, поскольку сказать ему на это было нечего. Сколько лет он уже служил тунам, а таких странных походов ещё не случалось. Третий день, как они отчалили от берега, сразу взяв курс в открытое море, и с тех пор их окружали только волны, да касатки, да косяки рыбы. И плавучие ледяные горы, которым в это время года здесь появляться не положено. Бьярни знал все острова, бухты и проливы великого Гандвика, от единственной незамерзающей гавани Похёлы до скал Норье и лесистых берегов южной Саксы, но куда они сейчас забрались, не понимал.

И море незнакомое, и всё вокруг неправильно. Вчера целый день упорно дул встречный ветер, гребцы выбивались из сил, а к вечеру море заволкло туманом, и почти сразу всех потянуло в липкий, неодолимый сон. Слава Одноглазому, выручили туны – полночи пели руны,¹ отгоняя белое марево и не давая никому заснуть. Около полуночи туман наконец разметало ветром – и на небе проглянули незнакомые звезды.

– Туны небось знают, куда плыть, – повторил Бьярни. – Они нас отсюда выведут.

– Ничего, без нас все равно не выберутся, – проворчал Олоф, надсмотрщик за гребцами, садясь рядом и доставая увесистый мешок со снедью. – Ветер-то попутный задул – ух, вовремя! Рабы едва веслами ворочают. До чего же квелый, никудышный народец эти саами, и взять с них нечего. Помню, позапрошлым летом ходили мы...

– У тебя, говорят, ночью несколько гребцов погибло?

– Вроде того. Кто сидел дальше всех от тунов и тумана нахлебался – уснул и не проснулся. Их так спящими и выбросили за борт. – Олоф оглянулся, понизил голос – А может, сначала кровь выпили, а выкинули уже потом. Не пропадать же добру.

– Хватит повторять рабские выдумки, – с досадой сказал Бьярни.

---

¹ Слово «руны» употребляется в тексте в двух значениях. Скандинавские гадательные руны – кусочки дерева или камня с вырезанными на них буквенными символами, а также сами эти символы. И финский омоним «руна» – магическое песнопение.

– Выдумки-то выдумками, однако... Я следил за тем, как бросали спящих гребцов, – у одного точно кровь спустили. Уж поверьте, я разбираюсь. Думаешь, почему туны с собой еды не взяли? – Олоф махнул рукой вниз, где чернели головы гребцов: – Вон она, их пища.

Аке недоверчиво фыркнул.

– Быть того не может! Да я бы никогда к людоедам не нанялся!

Бьярни и Олоф одинаково ухмыльнулись.

– Пусть хоть друг друга жрут, лишь бы нам платили, – сказал надсмотрщик.

Туны недаром набирали наемников только среди морского народа земли Норье. Слухи об отваге и жестокости варгов расходились по всему миру гораздо дальше, чем заплывали их драккары. Что на море, что на побережьях их боялись сильнее, чем злых чародеев-тунов. Темная страна Похьёла, где царит вечный холод и ночь длится полгода, слишком далеко, чтобы бояться ее по-настоящему. Алчность же варгов неутолима.

– Ты не прав, – возразил надсмотрщику Бьярни. – Никто никого не жрет. Туны все ж не звери... хоть, конечно, и не люди. А не взяли припасов, потому что точно знают, куда и сколько нам плыть.

Подумал и добавил:

– Надеюсь.

Наемники одновременно посмотрели на нос драккара. Там с самого рассвета стояли туны, неподвижные, словно изваяния. Не мигая, они смотрели вперед, в свинцовое море, изредка перебрасываясь словами на своем тайном языке. Как будто каждый миг чего-то ждали.

Тунов было девятеро. Акка² Лоухи, ее ближайшие родичи, ее охрана, ее придворный колдун с учениками. Все они принадлежали к одному клану и вместе на драккаре оказались наверняка не случайно. Недаром отплывали тайно – хотя какие тайны могут быть у одного туна от другого? Недаром говорят, что тун родится колдуном, как, к примеру, варг – воином, и охотником – лесной житель карьяла.

Акка Лоухи, глава древнейшего в Похьёле рода Ловьятар, выглядела худой, высокой старухой. У нее было костистое лицо и не по годам острый взгляд хищной птицы. Жесткие сивые волосы прядями падали на спину из-под железного венца, в ушах покачивались оправленные в серебро аметистовые щетки; широкое ожерелье, защищающее не хуже доспеха, скрывало тощую грудь. Лоухи считалась в Похьёле ловкой интриганкой и опасной чародейкой. Охрана за ее спиной присутствовала скорее для пущей важности, а не по необходимости. На своем корабле та, кого уже потихоньку называли Хозяйкой Похьёлы, могла никого не опасаться.

Колдун по прозвищу Филин, настоящего имени которого никто не знал, смотрелся рядом с ней дряхлой развалиной. Поредевшие волосы выбелила старость, а тонкие кости как будто гнулись под невеликой тяжестью его тщедушного тела. В худых птичьих лапках он держал кантеле,³ искусно изготовленное из высушенной человеческой руки. Струны были натянуты на скрюченные пальцы, словно бывший хозяин руки перед смертью запутался в железной паутине. Кантеле, разумеется, было чародейским; подобного ему не было ни у кого в Похьёле, и не было туна, который не мечтал бы заполнить его.

Позади Лоухи застыли родичи-туны, свита и охрана. Одеты они были, на первый взгляд, неказисто – в косматые серо-сизые плащи от шеи до пят. Однако любой, кто хоть раз видел тунов вблизи, сразу понял бы, что это никакие не плащи, а мощные крылья. Похьельские оборотни, распушив перья, наслаждались током ветра. Людям он казался смертоносно-холодным, тунам был – ласковым бризом. Все они были схожи между собой: длинные бурые или сизые волосы, схваченные железными обручами, пронзительные аметистовые или черные

---

² Акка (похьельское титулование) – госпожа, хозяйка.

³ Кантеле – в литературной традиции кантеле отождествляется с гусями, но археологически доказано, что оно напоминало скорее кельтскую лютню. В тексте упоминаются кантеле обоих типов – саамского и карьяльского.

глаза, смуглая кожа с синеватым отливом, тонкие птичьи черты, почти безгубые рты. Маховые перья охранников украшали острые железные накладки, лица скрывали легкие клювоголовые шлемы, руки – когтистые латные перчатки. Рядом с Лоухи стоял мальчик-подросток, черно-волосый, в иссиня-черных перьях. На плече у него висело кантеле в чехле – не костяное, а обычное.

– Смотрите! Чайки! – воскликнул он первым, указывая куда-то в пустоту моря и неба. – Впереди земля!

Остров возник, словно видение. Растаяла дымка, и вдруг появился он – огромная одинокая гора среди моря. Издалека была видна полоса белой пены – там, где скалистые берега встречались с волнами. Над пеной с криками летали чайки. Выше росли сосны, цепляясь корнями за каждый уступ. Над зеленой полосой сосняка высилась гора. Поросшая кустарником, словно древний ствол – мхом, она круто уходила вершиной в облака.

– Ого, какая высокая! – задрав голову, с восхищением воскликнул мальчик-тун. – Жалко, что небо в тучах. Не увидеть, насколько она высока.

– Ее вершины никто не видел, кроме богов, Рауни, – ответил колдун. – Она уходит к звездам.

Если бы туны вздумали обернуться, их бы наверняка позабавило, как потрясены увиденным наемники-варги. Бьярни и Олоф трясущимися руками нащупывали амулеты, бормоча имена богов-покровителей. Аке на всякий случай упал на колени.

– Хар Одноглазый! – наконец выговорил Олоф. – Это же Мировое Древо Иггдрасиль! Один из трех его корней, что растет из Мидгарда!⁴

Чуть ли не впервые в жизни варги по-настоящему перепугались. Среди смертных у них достойных соперников не было, но оскорбить богов – совсем другое дело! Боги варгов были кровожадные, злопамятные и мстительные – такие же, как они сами.

Но тунам не было никакого дела до переживаний наемников. Они с удовольствием разглядывали остров, словно он уже стал их собственностью.

– Вот она, перед нами – Звездная Ось, на которой крутится колесо мира, – с торжественным видом произнес Филин. – Здесь не бывает смены дня и ночи. Здесь не движется само Время!

– Я уж и не надеялась, что мы сюда доберемся, – ехидно сказала Лоухи. – Думала – заблудимся, как в прошлый раз. И в позапрошлый.

– Да если бы не мое магическое искусство, что провело нас меж двух миров невредимыми...

– Да если бы не подсказки Алчущей Хорна, с которой я – именно я! – расплатилась своей кровью...

– Жутковато здесь, правда? – невзначай перебил их мальчик. – У меня даже перья дыбом! Чародей и колдунья замолчали. Лоухи покосилась на Филина и язвительно улыбнулась.

– Это божественное место, – кашлянув, объяснил колдун. – Оно не для смертных. Каждый шаг по этой земле – дерзкое вмешательство в замысел мироздания.

– Правда, что оттуда даже днем видна Полярная звезда?

– Ступица мирового колеса, – уточнил колдун. – Так оно и есть.

– Везет же тебе, укко⁵ Филин – увидишь все собственными глазами! Взял бы меня с собой на остров, а?

При этих словах Лоухи едва заметно вздрогнула. Но колдун не заметил этого. Он добродушно сказал мальчику:

---

⁴ Мидгард – мир людей. Второй Корень Мирового Древа, на котором держится Вселенная, растет из Асгарда, мира богов, а третий – из Утгарда, Нижнего мира.

⁵ Укко – старец, господин. Укко как собственное имя – верховный бог племен карьяла.

– Будь я уверен, Рауни, что от тебя будет хоть какая-то польза, я бы тебя взял. Но пока твоя игра на кантеле оставляет желать лучшего...

– Ну что ж, я по крайней мере видел Мировую Ось с драккара, – беспечно сказал Рауни. – Сестренка лопнет от зависти, когда я вернусь и расскажу ей!

Колдун похлопал мальчика по худому плечу и повернулся к Лоухи.

– Приступим, – сказал он. – Давайте для начала попробуем подойти поближе к острову и выгрузить рабов.

В прибрежных рифах кипел прибой. Едва взглянув на него, Бьярни заявил, что пристать к берегу нечего и пытаться. Обойдя остров, издалека высмотрели место, где берег полого спускался к воде, но добраться до него на драккаре не было никакой возможности.

Филин тронул струны своего зловещего кантеле и тихо запел, но сразу же оборвал пение.

– Бесплезно, – сказал он. – Я сам себя не слышу. Бросайте якорь.

Корабль встал на якорь шагах в ста от берега. По приказанию колдуна Олоф поднял всех рабов с их скамеек у весел. Саами столпились в середине драккара – низкорослые, тощие, узкоглазые.

– Всех за борт! – приказал Филин. – Пусть добираются вплавь!

Олоф прикусил язык – так захотелось спросить: «А обратно-то как без гребцов пойдём?»

Саами с ужасом глядели в свинцовую воду, полную плавающей ледяной крошки. Тун-охранник, с ног до головы в железе, сказал с насмешкой:

– Волны невелики, вода теплая, берег близко. Доплывете! Прыгайте сами, не то поможем!

Мальчик-тун тоже был удивлен. Он провожал глазами рабов, словно кто-то высыпал в море мешок доброй еды.

– Мама, мы потратили столько сил, чтобы добраться сюда, – обратился он к Лоухи. – Как мы восстановим их на обратном пути?

– Если ты голоден, охоться – море полно пищи, – резко ответила Хозяйка Похьёлы. – Или ты хочешь стать безумным утчи и скитаться по Вечному Льду до самой смерти?⁶

Рауни виновато потупился. Лоухи смягчилась.

– Если мы добьемся успеха, будем дома еще до заката! В серых волнах, в белой пене среди скал мелькали головы плывущих саами. Лоухи проводила их равнодушным взглядом и повернулась к колдуну. Только она и Филин знали, что предстоит делать.

– Ты подготовил Вместилище?

Филин подал знак. Ученик принес объемистый кожаный мешок и с поклоном передал ему.

– Что там у тебя? – с любопытством сунулся Рауни. – Голова деда?

Колдун с невозмутимым видом развязал тесемки мешка и достал... ручную мельницу-сампо. Небольшую деревянную колоду с расписной крышкой и вертящейся ручкой. Женщины из племени карьяла мелют в таких ячмень и рожь – при их скудных урожаях ручных жерновов вполне достаточно. Маленькая мельница смотрелась удивительно неуместно в руках туна, на драккаре среди моря, и уж тем более – возле запретного острова, откуда уходит в небо Мировая Ось.

– Ты что, издеваешься? – оскалившись, зашипела Лоухи. – Что это за посудина?

Филин ухмыльнулся:

– А я думал, ты оценишь мою шутку. К тому же это не только шутка. Я позаботился о твоём удобстве и безопасности...

---

⁶ Утчи – демон-людоед. Употребление в пищу человеческой крови и костного мозга допускается у тунов только в ритуальных целях. Тун, злоупотребляющий человечинной, теряет разум и способность к управляемому оборотничеству. Такого изгоняют на Вечный Лед или в тундру, и он охотится на саами, словно дикий зверь, пока рано или поздно не погибнет от их рук. Излюбленный персонаж нравоучительных сказок и у саами, и у тунов. Правда, мораль в них разная.

– Ах ты, старый дурак! Где череп моего отца? Я же дала тебе его, чтобы ты всё подготовил, куда ты его дел?!

– Сама ты старая дура, племянница, – не остался в долгу Филин. – Ты что, не помнишь своего папашу? Не знаю и знать не хочу, почему ты решила сделать из его черепа Вместилище, но все же в роли Хозяйки Похъёлы мне приятнее ты, а не он или его дух.

– Ты о чем, укко Филин? – не понял Рауни. Колдун не ответил. Лоухи же все поняла и мысленно сразу с ним согласилась, но, конечно, не подала и виду, а сказала с досадой:

– Представляю, какой лупоглазой гагарой я буду выглядеть перед хозяйкой клана Кивутар, когда вернусь в Похъёлу с дурацкой карьяльской мельницей вместо могущественного предка-помощника!

– Вот именно, – со значением сказал колдун. – И хлопот у тебя будет значительно меньше. Он деловито взглянул на уходящую в облака гору и передал кантеле своему ученику.

– Оно мне там не понадобится, – сказал он в ответ на удивленный взгляд Рауни. – Здешние воды меня то ли не слышат, то ли не понимают, а тело Мировой Оси пением рун не проймешь. Тут нужна магия посильнее!

Второй ученик с поклоном протянул ему серебристый топорик в кожаном чехле. В тот же миг Филин завершил превращение, сжал топорик и мешок с сампо в мохнатых когтистых лапах – и взмыл в воздух. Огромная пернатая тварь, отдаленно похожая на полярную сову, описала круг, пролетела над бурунами и благополучно опустилась на пологий берег острова.

Как только лапы колдуна коснулись песка, он вернул себе прежний, более удобный облик. Саами – те, кому удалось преодолеть рифы, – уже выбрались на сушу. Собравшись в кучу, они поглядывали на оборотня-туна и тряслись от холода – сил на то, чтобы бояться, у них уже не осталось. Колдун на них и не глядел. Ему, наоборот, было жарко. Житель ледяного края земли, он только начинал чувствовать холод, когда теплокровные существа уже замерзли насмерть.

Все, кто оставался на драккаре, прилипли к левому борту, не отрывая глаз от колдуна. Вот он поднимается по склону среди сосен, идет к основанию горы – или Корня Мирового Древа? – повесив сумку с сампо на плечо и доставая на ходу топорик из чехла, а саами тащатся за ним, как на привязи. Молодой варг Аке затаил дыхание: наконец-то он увидит легендарное страшное колдовство тунов, о котором столько слышал! А Бьярни уже догадался, что затеяли проклятые оборотни, и теперь быстро обдумывал, не сигануть ли ему в воду с другой стороны драккара, пока не началось. Но вот что-то блеснуло среди сосен – это колдун приготовил топор. Взметнулось лезвие... и топорик глубоко вонзился в замшелую скалу!

Варги вздрогнули и зашептали жаркие молитвы Хару Одноглазому и всем его небесным слугам, убеждая их, что они в этом святотатстве не замешаны и оказались здесь чисто случайно.

Топорик поднимался и падал снова и снова. По морю далеко разносился звон металла о камень. Вскоре колдун наклонился и поднял с земли вырубленный им кусок Мирового Древа размером с кулак. Подняв его над головой, он показал его оставшимся на корабле родичам, достал сампо, снял крышку и положил камень внутрь. Потом Филин повернулся к драккару и торжествуя поднял сампо над головой.

Лоухи перевела дыхание.

– А боялись-то! А готовились! – пробормотала она и вдруг осеклась, впившись пальцами в борт.

– Смотрите, что это с птицами?! – в тот же миг воскликнул Рауни.

В самом деле, чайки точно сошли с ума. С пронзительными криками они летели к острову, как будто Мировая Ось притягивала их, – и падали грязно-белыми комками. Не долетая до земли, птицы сыпались в волны, разбивались о скалы, повисали в кронах сосен. Аке вскрикнул и ткнул пальцем в воду: одна за другой у борта кверху брюхом всплывали рыбины.

– Ставим парус и уходим отсюда!

Бьярни вскочил, готовясь бежать к мачте, но, как на стену, наткнулся на взгляд Лоухи.

– Нет, – отрезала Хозяйка Похъёлы. – Пусть он закончит начатое!

Остров умирал, как будто кто-то высасывал из него жизнь. За считанные мгновения пожелтела вечнозеленая хвоя сосен. По телу скалы – или по стволу Иггдрасиля? – пробежала дрожь. Покатались камни, посыпалась сухая хвоя. Рабы-саами один за другим начали падать на землю, словно из них вынимали кости. Лоухи впивалась ногтями в борт и ломала их, сама того не замечая, но ее зоркие птичьи глаза не упускали ничего. Она и заметила, что смерть словно очертила круг, который быстро смыкался, и центром этого круга был старый Филин. С каждым умирающим саами смерть двигалась чуть медленнее, как будто спотыкаясь о живые души, и колдуну хватило времени сделать то, что нужно. Филин крутанул ручку сампо и торопливо воскликнул:

– Защищен!

И в тот же миг наступление смерти прекратилось.

Филин стоял на пяточке зелено-бурой осенней травы в окружении мертвых сосновых стволов, на сером берегу, заваленном иссохшими трупами жертв, и неуверенно, радостно улыбался. Руки его дрожали, но не выпускали спасительную мельницу.

Вдруг свет померк, и с неба на колдуна обрушилась крылатая тень – хлестнула по лицу перьями, словно плетью, вырвала сампо из ослабевших рук. Колдун раскинул руки, привычно превращаясь в летучую тварь... но не смог оторваться от земли, только захлопал впустую одним крылом. Второе так и осталось до локтя – омертвевшей человеческой рукой.

– Лоухи! – взвыл он, еще не понимая до конца, что пропал. – Меня задело! Мне отсюда не выбраться!

– И прекрасно, – пробормотала Лоухи, опускаясь на палубу драккара с сампо в когтях.

– Помоги мне! – пронзительно закричал Филин. Перья у него встопорчились от ужаса. – Вытащи меня отсюда!

Лоухи, не обращая на него внимания, вернула себе человекоподобный облик и хладнокровно приказала Бьярни и Аке:

– Поднимайте парус. Мы отплываем. С острова доносились вопли бешенства:

– Двучиная дрянь! Поверить не могу – напала на родного дядю! Ни один тун так не поступил бы! Тебя бросят в Прорубь, старуха! Живьем отправишься во врата Хорна, к Алчущей в пасть! Все кланы Похъёлы выступят против тебя, преступница!

– Угу, как же, – промурлыкала Лоухи, любовно поглаживая сампо. – Пусть попробуют. А вы что вытарасились? – повернулась она к растерянным ученикам Филина.

– Но, акка... – беспомощно пробормотал ученик. – Это же ваш дядя!

– Мировому Древу нужна жертва. Настоящая, а не две дюжины жалких рабов. Живая плоть, чтобы залечить рану. Иначе оно нас не отпустит, останемся здесь все!

Последние слова прозвучали угрозой, и ученики Филина покорно замолчали. Охранники Лоухи оставались спокойными: они были предупреждены. Бьярни переглянулся с Аке, оба пожали плечами и пошли ставить парус. Сквозь грохот прибоя уже едва долетали крики брошенного колдуна. Но у тунов тонкий слух, и Лоухи прекрасно все расслышала – к своему большому неудовольствию.

– Проклинаю тебя и твое потомство! На беду себе ты украла у меня сампо! Пусть не принесет оно твоему роду ничего, кроме гибели! От карьяла сампо пришло, к карьяла и уйдет! Недолго тебе им владеть, Лоухи!

– Тьфу на тебя! – Хозяйка Похъёлы сделала ограждающий жест. – Раскаркался!

Между тем пятно живой травы под ногами колдуна начало понемногу уменьшаться. Филин бросил последний отчаянный взгляд на драккар – на нем уже выбирали якорь – и повернулся лицом к горе. Из последних сил он проковылял несколько шагов по мертвой земле и прижался всем телом к скале, откуда сам же только что вырубил кусок, закрывая собой рану.

Через несколько мгновений он умер и окаменел, а тело его слилось с корой Мирового Древа и вскоре бесследно растворилось в ней.

Парус был поднят, и варги старались повернуть корабль на обратный курс. Лоухи, устроившись на носу, изучала сампо.

– Ишь как придумал, – бормотала она. – Значит, покрутишь – и оно исполняет. Ну-ка, попробуем.

Лоухи встала, повернула ручку и громко приказала:

– Попутный ветер!

Парус колыхнулся, наполняясь ветром. Варги засуетились, спеша его закрепить. Хозяйка Похъёлы захихикала.

– И в самом деле удобно! Это, конечно, не с папашиним черепом пререкаться. Молодец, старый хрыч! Эй, варги, бегите на корму, держите рулевое весло крепче – сейчас полетим!

Корабль накренился, разворачиваясь, и ринулся вперед, к югу – домой.

Рауни, о котором все забыли, тихонько подобрался к ученику Филина и выдернул у него из рук костяное кантеле:

– Дай сюда!

Тот, потрясенный гибелью учителя, даже не сопротивлялся.

– Кажись, миновало нас, – радостно сказал Аке под вечер, когда на горизонте замаячила полоска знакомых гор.

Чего он только не навывдумывал себе, пока плыли назад! Ждал мести богов – не то море слизнет драккар, не то рухнет с небес ветка Мирового Древа... Однако пронесло.

– Иггдрасиль огромен, – сказал Бьярни. – Даже Хар Одноглазый не заметил, что мы отковырнули от него кусочек.

Он ошибался. Перемены уже начались. Что-то творилось в небе, сдвигалось потихоньку нечто гигантское и ужасающе далекое, настолько далекое, что даже искусенные в колдовстве туны ничего не заметили.

Глава 1

РОСОМАХА, ОБОРОТЕНЬ И РЕБЕНОК

«Когда Укко решил разделить тьму и свет, он взял огненный плуг и пропахал через все небо борозду с восхода на закат, определяя грань, которую не положено переступить мраку. Лемех плуга Укко разрезал мир надвое, и единство путей пресеклось: одни дороги светлые, другие идут во тьму.

Верхний мир – Голубые поля, отделенные от прочих мест бороздой-радужой. Правят там трое: отец Укко, мать Ильматар и дед Унтамо, бог-Сновидец, властитель того, что скрыто.

Чертоги Укко – за Полярной звездой, на вершине Мировой Горы, там, где начинается небесный свод. Иные племена полагают, что небесный свод поддерживает ясень, уходящий корнями в Хель, но карьяла доподлинно знают, что Звездное Древо, упавшее поперек всего неба, тот самый ясень и есть, а небесный свод держится на Мировой Горе, именуемой еще Небесная Ось.

Вся нечисть осталась за бороздой, и в Голубые поля ей не пробраться: сам Укко охраняет свои чертоги, а многие боги ему в этом деле помогают. Среди них главные: Ахто, бог моря, Тапио, лесной хозяин, и Таара, бог небесного огня. Им подчинены многие другие: Киви-Киммо, бог стремнин и порогов, Мелатар, озерная царица, и прочие, коим несть числа.

И через Нижний мир прошла Борозда. На границе Хеля возник черный поток Манала – непреодолимая граница страны мертвых. Правит там Калма-Смерть, а дочь ее – Хозяйка Похтёлы.

И Средний мир разделил Укко. Невидимой чертой отгородил он темную страну Похтёлу, неназываемую и страшную, источник всяческой мерзости. А проходит та черта ровно посередине мира – как раз там, где живет народ карьяла».

Карьяльская легенда «Разделение света и тьмы».

– Красавец воин, лесной цветочек!
Жду я встречи с тобой, как нива —
урожая, как весна – лета!
Где ты, краса лесов зеленых?
Уж снег растаял, и травы расцвели и снова увяли —
А я все по лесам блуждаю
И от разлуки с тобой в тоске рыдаю!

Так напевал-приговаривал охотник, легким духом скользя через лес увядающего лета, сквозь влажную дымку раннего утра. Охотник был из племени северных карьяла, по имени Ильмо – стройный, ловкий юноша лет двадцати. Его темно-рыжие волосы были завязаны в хвост, на загорелом лице блестели яркие серые глаза. На шее, поверх затертой кожаной безрукавки, висел новенький оберег из полированного можжевельника с громовой стрелой Таара. В руках Ильмо держал взведенный самострел. Пока с губ слетали слова охотничьего заговора, взгляд рыскал по сторонам, не упуская малейшего движения в предутреннем тумане. Ильмо искал зашедшего в его охотничьи уголья лося, быка-одиночку. Он знал, что лось где-то совсем

рядом – след был совсем свежий. Но сырой сумрачный лес вокруг был тих, только ранняя пташка одиноко чирикала где-то в ветвях.

– А я бы ничего не пожалел для тебя, любимец полян, – пропел Ильмо слова древней охотничьей руны. – Отвел бы тебя в мое жилище, под резную кровлю, посадил в красном углу – там и кушанье готово, и половицы вымыты. И красавицы наряды надели, оловом и жемчугом лоб и запястья украсили...

Лось, если он и затаился где-нибудь поблизости, никак себя не выдавал. Таковы их повадки в конце лета. Замрет, как камень, спрячется не хуже перепела, и трижды пройдешь мимо лося, не заметив его, пока он сам на тебя не кинется. Ильмо же того и добивался.

– Приказал бы я женщинам тебя раздеть и кафтан твой теплый на жердях развесить. И головушка твоя, чай, устала носить костяной венец, так я бы помог тебе его снять...

Упрямый лесной бык не отзывался. Ильмо глянул под ноги, увидел как раз то, что надо – сухую ветку, – и нарочно наступил на нее. Ветка сломалась с громким треском. Тут же совсем недалеко, в рябиновой рощице, раздалось глухое угрожающее мычание. Ильмо застыл на месте. Подумав мгновение, он наклонился к земле, сложил ладони у рта и проревел лосиному, вызывая «соперника» на бой. После чего поднял самострел на уровень лосиной груди и приготовился.

Лось не шевелился. «Хочет подпустить меня еще ближе», – подумал Ильмо и тихо, как хийси,⁷ стал красться вперед. В воздухе кисло пахло ягодами. За рябинами маячило что-то темное.

– Приди ко мне, жеребчик Тапио! – позвал Ильмо, понемногу надавливая на спусковой крючок самострела.

В ответ раздался шум, треск, фыркание и глухой стук копыт. Ильмо выстрелил – и отскочил в сторону, чтобы раненый лось не затоптал его. Однако никакого лося он не увидел. Черные стволы рябин качались, осыпая землю листьями, а вдалеке затихал глухой перестук копыт.

Ильмо перевел дыхание и опустил самострел. Лось сбежал! Охотник так удивился, что даже досада отступила. Желая разобраться, он направился к тому месту, где прятался в засаде лось, и там долго рассматривал изрытую копытами землю. Вскоре Ильмо нашел причину: отпечатки копыт лося пересекали совсем свежие отпечатки лап росомахи. Странное дело! Судя по всему, увидев эту росомаху, лось ошалел от страха и кинулся прочь, как будто встретил голодного медведя. Следы лося вели к востоку. Росомаха же побежала на север, к оврагам и ельнику-корбе.

Несколько мгновений Ильмо стоял, раздумывая. Лося, пожалуй, сейчас не догнать. А вот найти росомаху можно и даже нужно. Если вредоносная тварь решила обосноваться в этих краях, она и впредь будет пакостить, портить охоту. Ильмо закинул самострел за спину и пошел по ее следу на север.

В овраге царил зеленоватый полумрак, еловые лапы терялись в тумане. Черничник, едва слышно хрустевший под ногами в березовом лесу, сменился ярко-зеленым мхом, сырым и упругим. Следы на нем мгновенно разглаживались и исчезали. Из-под ног выпрыгивали крошечные лягушата с прозрачными, будто паучьими, ножками. Вились стайки комаров; учуяв тепло, они бросались вслед охотнику, а потом возвращались. Ильмо перешагнул через беззвучный темный ручей, протекавший по самому низу оврага, и стал подниматься вверх. Когда он достиг края оврага, ему в глаза ударило ослепительное утреннее солнце. Каждая капля росы превратилась в жидкое золото, как будто какой-то бог опрокинул над оврагом ковш хмельного меда.

– Корба светится на солнце,

---

⁷ Хийси – бес, нечисть.

Темный лес вдали синееет.
Лес меня зовет и манит.
Край медвяный поджидает.
Дух стоит в лесу медовый,
Запах как от сладкой браги
Ласковой хозяйки леса...

За оврагом начиналась корба, большой темный ельник. Огромные полусохшие ели с замшелыми стволами стояли, переплетаясь колючими лапами. Под ними чернела голая земля, усыпанная серой хвоей и сухими ветками. Ничего там не росло, только тонконогие белые поганки. Именно туда уходили следы проклятой росوماхи.

Ильмо помрачнел, коснулся «громовой стрелы» на шее и принялся бормотать заклинания против мертвецов. Нехорошее место была эта корба, даже солнечным утром лучше обойти ее стороной. Люди говорили: стоит остановиться ненадолго между седых стволов и прислушаться, как из-под земли начинают бормотать, жаловаться голоса мертвецов, которых забрал себе Тапио, хозяин леса: унесенных зверями, заблудившихся, утонувших в болоте, замерзших зимой... Послушаешь их подольше – да и не выйдешь из ельника вовеки. Недаром говорят, что первая ель проросла из Маналы, царства мертвецов.

Спереди донесся шорох, скрип и затем – долгое шипение, похожее на гусиное, но громче и злее. Ильмо застыл, прижался к липкому от смолы бурому еловому стволу, быстро снял со спины самострел и снова взвел его. Что за зверь мог так шипеть? Уж точно не росумаха!

Впереди между елями виднелся просвет – должно быть, прогалина. Ильмо, держа самострел наготове, осторожно двинулся вперед. И снова замер – слева зашуршала хвоя, затрещали мелкие ветки. Кто-то, не таясь, быстро шел через корбу. Шипение умолкло. Шаги прошеле-стели неподалеку от затаившегося охотника как раз в сторону прогалины. Несколько мгновений было тихо, потом вдруг раздался громкий треск, а сразу вслед за ним – отчаянный женский крик.

Ильмо, мгновенно забыв о своем намерении незаметно подкрасться к шипящей твари, кинулся напролом через ельник. Но, выскочив на прогалину, застыл в растерянности: ничего подобного он в жизни не видел!

На краю оврага раскорячилась древняя ель, сплошь покрытая паутиной белой плесени, морщинистая и бородавчатая, как столетняя старуха. Из щели дупла у самой земли высывалась пасть в две руки длиной, похожая на утиный клюв, густо усаженный мелкими темными зубами. Из дупла и неслось угрожающее шипение. Однако гадать, что за тварь пряталась в дупле – ящерица ли, птица или хийси, – времени не было, потому что в пасти у нее был ребенок.

Ребенок был совсем маленький, не старше года. Он не кричал и, кажется, даже не шевелился. Зато женщина, вцепившаяся в его рубашку, вопила что было сил, пытаясь вырвать дитя из пасти лесной твари. Худенькая, совсем молодая, с растрепанными русыми волосами и круглым, обезумевшим от ужаса лицом:

– А-а-а! Отдай! Помогите, кто-нибудь!

Зубастая тварь, не переставая шипеть, тянула добычу к себе в дупло. По бокам головы, увенчанной костяным гребнем, поблескивали плоские жадные глазки.

Ильмо, очнувшись, вскинул самострел и всадил стрелу твари промеж глаз. Стрела чиркнула по кости и отскочила, не причинив вреда. Тварь моргнула, быстро глянула на охотника и дернула к себе добычу. Женщина споткнулась, упала на колени и испустила громкий вопль, но ребенка не выпустила.

«Как бы они его пополам не разорвали!» Ильмо отбросил в сторону самострел. Если хищник из дупла – хийси, лесная нечисть, то оружие тут не поможет. Но и против хийси у охотников есть приемы. Рука сама потянулась к шее и сорвала с кожаного шнура оберег – мож-

жевеловую плашку с выжженной «елочкой», знаком громовой стрелы Таара, хозяина небесного огня.

– След огромный на болоте,
Лапа мощная в чашобе —
Прочь наружу из-под кочки!
Пламя в пасть тебе и в морду!
Таара гнев в глаза и в зубы!

Так пропел Ильмо, направив оберег на врага, и почти сразу ладонь налилась теплом, перерастающим в обжигающий жар. Память о небесном огне возвращалась в «громовую стрелу», черный отпечаток, оставленный раскаленным железом заговоренного ножа ведуна – «хранителя имен». Хийси в дупле на миг замолк. Не выпуская из пасти ребенка, он настороженно уставился на сгусток враждебных сил в правой руке охотника. Однако через несколько мгновений он с удвоенной силой потащил добычу, стремясь поскорее скрыться в безопасности своего логовища. Женщина завизжала.

– Слеп отец твой, мать слепая,
Так же ты и сам ослепни,
Ненависть швырни в чашобу,
Под осины выбрось злобу,
Ляг обратно в свою кочку,
Снова закопайся в вереск!

Когда Ильмо произнес последние слова руны-проклятия, ему показалось, что в его руке вспыхнуло солнце. Незримые лучи ударили в глаза хийси и ослепили его. Он заморгал, завертел головой и с поросычьим визгом полез задом в дерево. Ильмо сделал еще шаг вперед. Оберег тлел и дымился в его руке. У охотника темнело в глазах от боли, но он не выпускал плашку. Ему казалось, что боевой оберег пьет из него жизненные силы, что его собственная жизнь сгорает, как дрова в печи, служа пищей этому невидимому, но губительному для нечисти огню.

Ослепший хийси кинулся в бегство. Он выплюнул наконец ребенка, клацнул зубами на Ильмо и юркнул в щель. Тощая молодка тут же подхватила дитя, прижала его к себе и отбежала подальше, к деревьям, но не ушла, а осталась там, во все глаза глядя на поединок.

Дупло, в котором спрятался хийси, начало вдруг закрываться.

– Куда, выползок змеиный?! – процедил сквозь зубы Ильмо.

В руке у него, казалось, бушевало само мировое пламя. Края дупла задымились, но продолжали сдвигаться. Проклятый хийси еще сопротивлялся. За ним стояла сила испорченного, отравленного дерева, корнями уходящего в Маналу. До дерева остался один шаг, когда дупло закрылось, оставив в морщинистой коре глубокий кривой шов. Но это было уже не важно. Ильмо поднял оберег над головой, призвал Таара и впечатал пылающую плашку в середину шва. Дерево вздрогнуло от корней до вершины, заскрипели ветви, под корой злобно зашипел замураванный хийси. На обугленной поверхности отпечатался черный круг с громовой стрелой посередине.

– Нет моей вины нисколько:
Сам в трясину ты свалился,
Сам на хвое поскользнулся!

Ильмо завершил руну как положено, отводя от себя и своего рода гнев поверженного противника, и только тогда отступил назад, шатаясь от боли и усталости. Вытер со лба пот левой рукой – на правую, обожженную, и взглянуть было страшно.

Ель угрожающе скрипела, трясая колючими ветками. Знак Таара явно пришелся ей не по вкусу. «Испорчено дерево, – устало подумал Ильмо. – Интересно, какой колдун сглазил его? Оно теперь ни на что не годно, только сжечь, и чем быстрее, тем лучше... А все-таки я его одолел!»

Охотник, не удержавшись, от души пнул кривой ствол – и обернулся. Женщина встретила его испуганным взглядом. Все стояла, словно околдованная, прижимая к груди спасенного ребенка. Дитя так и не пошевелилось. «Малец-то ни разу даже не пискнул, – встревожился Ильмо. – Не помер бы!»

– Ты что же забрела одна в корбу? – сердито спросил он. – Или совсем умишко растеряла? Или не знаешь, что это проклятое место?

Женщина молча смотрела на спасителя. Совсем молодая девчонка; юбка поношенная, рубаха штопаная, как с чужого плеча, даже кенги⁸ на ногах не кожаные, а берестяные. Рабыня, что ли? На бледном лице выпученные водянисто-голубые глаза – глупые-глупые.

– Хоть бы о мальце подумала! Дай-ка его сюда, гляну, что с ним...

– А ты устал, охотник, – хрипло сказала вдруг молодка. – Его тебе не взять!

Ильмо взглянул на нее с удивлением... и тут ему вдруг померещилось, что девчонка как-то неладно усмехнулась – как оскалилась. Он отступил на шаг и в упор уставился на молодку, левой рукой неловко нашаривая на поясе нож. Чем дольше он смотрел на нее, тем ярче под человеческим обликом проглядывало нечто другое – поросшая редким белым мехом тощая тварь в обрывках платья...

Оборотень!

Росомаха, по лицу Ильмо поняв, что он распознал ее настоящее обличье, снова оскалилась, растянула губы в злой улыбке. Не как безответная рабыня, а как охотница над добычей – попробуй, отбери!

Несколько мгновений они мерялись взглядами. Ильмо шевельнул правой рукой и заскрипел зубами от боли. Тогда он левой рукой вытащил из поясных ножен охотничий нож – добрый, заговоренный, словенской работы. Вот же угораздило встрять в свару двух хийси! Оборотень-росомаха с древесным выродком добычу не поделила, а он ей еще и помог. Небось нарочно приняла вид девчонки, чтобы заручиться помощью охотника!

Росомаха – голова зверя на теле женщины – предупреждающе раскрыла красную пасть с мелкими острыми зубками, насмешливо улыбнулась, приподняв верхнюю губу и сморщив коричневый нос, и по-звериному легко отпрыгнула назад с прогалины в ельник. В тот же миг Ильмо с силой метнул нож, целясь ей в морду. Ловкий вышел бросок, даром что с левой руки. Раздался резкий вскрик, как будто бы издалека. Девчонка развеялась в воздухе, осыпались изодранные грязные тряпки – остатки рубахи и юбки, – и на землю упала мохнатая звериная тушка.

– Вот и поохотился, – выдохнул Ильмо и наклонился, чтобы поднять с земли ребенка.

– Иди сюда, дитя, не бойся...

Внезапно младенец, до того казавшийся мертвым или беспмятным, открыл глаза. Кровь застыла в жилах Ильмо: в левой глазнице ребенка было два острых зрачка. И эти жуткие глаза смотрели на охотника совсем не детским хищным взглядом.

– Теперь ты мой, карьяла, – странным придушенным голоском прошипело маленькое чудовище и подняло ручки, пытаясь ухватить измученного охотника за шею. Не осталось у Ильмо больше ни оберега, ни оружия, ни времени на раздумья. Вот сейчас бы схватить страш-

---

⁸ Кенги – примитивная цельнокроеная обувь на шнуровке.

ное дитя за ножки, ударить о корявый еловый ствол да отшвырнуть от себя подальше! Но Ильмо промедлил и упустил время. Подменьш крепко схватил его и, словно пиявка, впился в шею острыми зубами. Острая боль пронзила Ильмо... и вдруг прямо над ухом у него раздался пронзительный нечеловеческий вой. Подменьш больше не вгрызлся в его шею – он сидел у него на руках, распахнув зубастую пасть, и вопил, словно его припекали каленым железом.

Не успев осознать, что делает, Ильмо схватил страшного младенца поперек туловища и изо всех сил отшвырнул от себя подальше. Тот отлетел в сторону и безжизненным кулем покатился по земле.

А Ильмо долго еще стоял в корбе, успокаивая дыхание и унимая дрожь в руках. Он смотрел то на мертвое дитя, то на останки росوماхи, пытаясь осознать, что тут все-таки произошло, но ничего вразумительного на ум ему не приходило.

Глава 2 НЕ СПАТЬ

«Карьяла разделяются на северных и южных. На севере с ними соседствуют саами, на западе – варги, на юге – эсти, вессы и словеневенья, защищенные от хийси чарами Вольхи, князя-оборотня. На востоке – море Нево, а что за ним дальше, нам неизвестно.

Южные карьяла многочисленны, живут большими селениями, выращивают ячмень и овес, торгуют с эсти и венья, платят дань варгам. Единого правителя у них нет, каменных крепостей на их земле мы тоже не видели.

Земля северных карьяла лесиста, болотиста и неплодородна, зато богата зверем. Собственных урожаев им на год не хватает, и они охотно меняют за зерно куницы и беличьи шкурки. Почти все карьяла беловолосы и светлоглазы, почти безбороды, как саами. Промышляют они в основном рыболовством. Некоторые охотятся на волков, медведей, лосей, куниц и белок; добывают различную болотную птицу; рыболовы вялят и солят рыбу, которую покупать у них не следует, поскольку вкус у нее неприятный, вроде как с душиком. Железо они делают сами, но плохое, однако лемехи и наконечники для стрел не покупают, а пользуются своими. Единственно, покупают иногда заговоренные мечи, потому как свои плохи до невозможности. Но войны у них сейчас нет и не предвидится, о родовых распрях не слыхали со времен Резни Унтамо, так что это товар не ходкий.

Еще северные карьяла известны тем, что в их краях живет могущественный колдун Вяйнемеинен. Одного имени его достаточно, чтобы заклясть любого хийси. Однако сами мы его не видели, поскольку до той горы, где он, по слухам, живет, не доехали. Но, говорят, до нее пять дней пути на север от погоста Брусничное, где мы скупали беличьи шкурки. Все карьяла колдуна почитают и всячески расхваливают. По их словам, Вяйнемеинен – защита северного края; если бы не он, те места давно бы опустели под натиском хийси...»

Из тайного письма похъэльского купца-шпиона.

Земля северных карьяла – земля только по названию, а по сути сплошная вода: озера, реки, пороги, водопады, одно болото переходит в другое, ручьи сплетаются в текущие сети. Реки – ее кровь, леса – плоть, а скалы – кости. В лесу один хозяин – Тапио, а водой управляют не меньше десятка богов. Ахто – морской царь, Киви-Киммо – господин порогов, Ику-Турсо – чудовище стремнин, верховная водяница Велламо... А есть еще всякая речная и болотная мелочь – шишиги, васы – всех не перечислишь.

Озеро Олений Мох, узкое и вытянутое, как налим, безмятежно спало под ранними звездами. Даже рыбаки не нарушали его покой: озеро считалось нерыбным, к тому же лежало на отшибе, и на его берегах никто не жил. К югу от озера возвышалась одинокая гора, одетая в еловую шубу. На ее вершине, где деревья росли пореже, на скалистой проплешине горел костер. У костра сидел Ильмо и ел один за другим жареных окуней, запивая пивом из кожаного бурдючка. Рыбу жарил его холоп Калли. Заодно он присматривал за котелком с ухой. Рядом вертелись две рыжие лайки, мать и дочь, не спуская с рыбы глаз и громко сглатывая слюну.

Такие небольшие горы в землях северных карьяла не редкость. Эта называлась Браге, а почему – никто не знал, да особо и не любопытствовал. Ильмо выбрал ее для охотничьей стоянки из-за каменного круга, венчающего вершину. Неровный круг размером около пятна-

дцати шагов в поперечнике был выложен из необтесанных валунов, скрепленных между собой с помощью глины с песком, так что вышло нечто вроде сплошной стенки высотой взрослому до колена. Изначально круг приглянулся охотнику тем, что в нем совершенно не кусались комары. Позднее обнаружилось еще одно свойство круга – в нем не снились сны. Ильмо был достаточно сведущ в ворожбе, чтобы догадаться, что круг не простой. Может быть, другой, более опытный чародей поостерегся бы задерживаться в таком месте. А Ильмо, наоборот, взял да поставил в круге просторную палатку из шкур нерпы, какие изредка привозили на торг из земель саами, устроил рядом кострище, поставил распялки для шкур – словом, обустроился.

Над костром булькал котелок с ухой. Ильмо обглаживал окуней и во всех подробностях рассказывал Калли о том, что с ним стряслось накануне.

– ... а когда девка обернулась росомарой, я выхватил нож и метнул в нее – тут и росомархе смерть, и морок развеялся. Потом наклоняюсь к младенцу, а он – светлая мать Ильматар! – открывает глаза... Калли, это что же, называется – рыба? Ты бы еще комаров нажарил!

В левой руке Ильмо держал жареного окуня на прутике, правая была плотно обмотана повязкой. Шея в том месте, где его укусил подмышц, распухла и покраснела, на коже запеклась кровь.

– Комары пошли на юшку, – ответил Калли, выуживая из котелка холстяной мешочек с рыбьей мелюзгой. – Так, говоришь, метнул в оборотнику нож – самый обычный охотничий нож, – и с одного броска...

– Это ведь не простой нож, а заговоренный! Видишь, на рукояти руны? Мне в Брусничном один бродячий колдун резал. Смотри: эта руна – чтобы нож не потерялся, эта – чтобы ржа не ела, а эта, самая сильная, – на погибель всем лесным хийси!

– Чем давать свой нож в руки чужому колдуну, лучше бы вырезал руны сам, – нахально посоветовал Калли и принялся поворачивать мелких окуней, которые жарились над костром, чтобы скрасить охотникам отдых в ожидании главного блюда – уха. – Или Вайно тебя не научил такому нехитрому делу?

– Нечего скалить зубы! Чего ты вообще понимаешь в оружии, холоп?

– Ничего, – согласился Калли, почесывая костлявую грудь, пересеченную от ключицы до подреберья страшным шрамом. На вопросы о происхождении шрама Калли неизменно отвечал, что это было в далеком детстве и он ничего не помнит, так что Ильмо мог быть уверен, что достался он Калли не в бою.

– А в рунах?

– И того меньше, – покорно согласился Калли.

– То-то же. Впредь не спорь с хозяином. Дай-ка мне еще окушка – и слушай дальше...

Калли, худой лохматый подросток, был холопом Куйво, дяди Ильмо. Тот купил безродного мальчишку, прельстившись на дешевизну, на рыбном торге в Брусничном, куда ежегодно возил по весне свежесоленую икру. Куйво рассудил, что лишние руки ему не помешают: своих сил на все не хватало, старшему сыну едва исполнилось пятнадцать, а на Ильмо, который вечно пропадал в лесу, он давно махнул рукой. Но Куйво всю жизнь удача обходила стороной, не повезло ему и с рабом. Не то чтобы Калли был ленивым или непокорным, но он даже молчать умудрялся так, что ему невольно хотелось дать по зубам, а что ни скажет – то сдерзит. В хозяйстве новый раб оказался непригодным – за что ни брался, всё ломал и портил. «Кто из нас проклят – ты или я?» – орал Куйво на раба и в конце концов выкрутился, подарив его Ильмо. «С таким-то сладить будет потруднее, чем хийси по болотам гонять», – сказал он племяннику в виде напутствия. Но и тут он просчитался – Ильмо и Калли неплохо поладили.

– ... да и разбил ему голову о корень, – закончил рассказ Ильмо. – Не знаю, что об этом и думать.

– А что тут думать? Сожрать тебя хотели, и всего делов.

– Не скажи, Калли! Я поначалу думал, что россомаха с древесным хийси добычу не поделили. А теперь вот думаю – не сговорились ли они против меня?

– Хийси сговорились? Ха! Тяпнуть из-под коряги, прыгнуть на спину с дерева, закружить в чаще, завести в болото – вот их козни. А сговоры, засады, ловушки...

– Значит, кто-то им помог. Кто-то, кто умеет приказывать лесной нечисти...

– Колдун? Ну и зачем? Кому ты нужен? И к тому же в наших землях нет колдунов, кроме старого Вяйно.

– Я своими ушами слышал, как наш староста Антеро клялся заезжим купцам, что Тапиолу⁹ захватили хийси – и охотники на севере повывелись, – сказал Ильмо. – Тем не менее шкуры на торгу откуда-то появляются. И приношу их не только я. Как бы и с колдунами того же не оказалось.

– Нынче и без всяких колдунов такие хийси пошли, что только успевай оглядываться, чтоб не съели, – протянул Калли. – Скоро их в Тапиоле станет больше, чем белок. Разве кто-то слышал в наших краях о древесных духах-людоедах? А девка-оборотень? Не из Норье ли они к нам лезут? Там их, говорят, много оборотней, но всё больше волки. Что до младенца-подменыша, так это и вовсе только в сказках...

– Это был не подменыш, – глухим голосом сказал Ильмо.

– А кто?

– Не знаю. Но за то время, что я копал ему могилу, он превратился... во что-то очень странное. Он выглядел явно мертвым и при этом понемногу менялся...

Калли бросил на хозяина косой взгляд.

– Надеюсь, ты разрубил его на части, прежде чем зарыть?

– Нет. Не смог. Говорю же, он менялся, и, чем дальше, тем тяжелее мне было на него смотреть. Когда я его закапывал, мне приходилось отворачиваться, чтобы не ослепнуть. Рука болела так, что я едва не терял сознание, а голова так прямо раскалывалась...

Холоп почесал лохматую гриву, задумываясь.

– Я так устал, что похоронил его без обряда, – продолжал Ильмо. – Просто закопал поглубже в овраге и положил сверху валун. Понимаю, что неправильно, но что мне оставалось делать? В деревню я бы его не понес – сам понимаешь, почему. Может, потом попрошу Вяйно, чтобы он выяснил, что за тварь мне пришлось убить... В конце концов, может, это в самом деле был ребенок.

– Похоже, и впрямь без колдуна не обошлось, – признал холоп.

– А я о чем! – с горечью воскликнул Ильмо. – Эх, мне бы меч работы варгов из белого железа, да чтобы Вяйно сам его заговорил – я бы извел всех хийси в зеленой Тапиоле! Почему он не взял меня в ученики, когда умер отец? Был бы я уже чародеем, все бы меня уважали, а теперь я кто? Простой охотник...

– Я слышал, твой отец тоже был колдовству не чужд?

– Он погиб во время Резни Унтамо пятнадцать лет назад, я его почти не помню. Если бы не та война, он стал бы райдемом и меня бы выучил.

– Райдемом?

– Охотником-колдуном. Ничего, кроме промысловой магии они не знали, но уж в ней им равных не было. Их в прежние времена много по лесам бродило. Мне Вяйно о них в детстве часто рассказывал.

– А куда они теперь подевались?

– Вяйно сказал, поубивали друг друга в колдовских поединках. А иные считают, что их погубили туны, похъельские оборотни. Хотя я что-то сомневаюсь. Откуда бы им взяться здесь, за Бороздой Укко?

---

⁹ Тапиола – лесное царство.

– Вот только похъельских оборотней в придачу к хийси нам тут и не хватало, – проворчал Калли.

Ильмо пожал плечами и принялся обдирать золотисто-коричневую чешую с поспевшего окуня.

Некоторое время они сидели молча, глядя, как мерцает и переливается в лунном свете озеро Олений Мох. Вдруг обе лайки подняли головы и негромко зарычали.

– Ого! Что это там? – воскликнул Ильмо. Далеко-далеко, на не видимом в темноте противоположном берегу, зажегся маленький холодный огонек.

– Это не там ли, где заброшенная деревня?

– Там, – подтвердил Калли, успокаивая собак.

Холодный огонек пополз направо, остановился и двинулся в обратную сторону.

– Как будто кто-то с огнем ходит...

– Мертвецы рыбаков приманивают. Мало ли какой дурак заблудится и поплывет на огонек.

Ильмо хмыкнул, отцепил с пояса ложку и снял с огня котелок.

– Не веришь? – ухмыльнулся Калли. – А то давай туда сплаваем. Лодка есть.

Охотник молча отмахнулся от него, обсасывая выловленный из котелка щучий плавник.

– А как бы на твоём месте поступил райден? – коварно спросил Калли.

– Настоящий райден, – выплюнув кость, сказал Ильмо, – разнес бы это проклятое селище по бревнышку, бродячих мертвецов спалил и на костях сплясал, а всех хийси загнал в большой берестяной короб и заставил служить своему роду до скончания века... – Ильмо вздохнул и добавил: – Но я так не могу, и поэтому мы никуда не поплывем.

– Ну и ладно. Все равно я там уже был, – как бы невзначай сказал Калли.

– Врешь! Ильмо невольно покосился на раба так, будто тот признался, что у него опасная заразная болезнь. Калли заметил этот взгляд и ехидно ухмыльнулся:

– Прошлым летом разобрало меня любопытство. А то ходят, понимаешь, какие-то темные слухи, а что там в самом деле случилось, никто не знает. Ну, взял я челнок да и поплыл...

– Ну и что там?

– Да ничего особенного, – дернул плечом Калли, поворачивая золотистого окуня на прутике. – Пустое селение, половина домов сгорела, другая половина сгнила. Повсюду коровьи и человеческие кости, все в золе – я, пока там гулял, так вымазался, что сам стал как хийси, меня еще тетка твоя потом за это вздула...

– Мертвецов-то видел?

– Мертвецов – нет.

– А кого видел?

– Калму-Смерть, – сказал Калли, и вдруг помрачнел, словно вспомнил что-то неприятное. Ильмо поднял голову, с удивлением поглядел ему в лицо – и прекратил расспросы.

Костер почти догорел. Некоторое время охотники молча сидели и смотрели, как среди пылающих углей вьются, скачут и гоняются друг за другом крошечные огненные духи. Калли зачерпнул ложку ухи и плеснул им, на угли.

– Лучше бы собак накормил, – сказал Ильмо. Калли ответил зевком:

– Они не голодные. Спать пора. Что-то ветер подул с озера. Как бы не надул чего-нибудь с того берега.

– Спать? – повторил Ильмо. – Я тебе еще не рассказывал, какой мне недавно приснился сон? Как будто я лежу на дне болотной чарусы, не то мертвый, не то зачарованный, ни рукой, ни ногой шевельнуть не могу. А сверху в воду смотрит девица, да так пристально, будто что-то высматривает...

– Что за девица – знакомая?

– Нет. По правде, и на человека-то не очень похожа. Черноглазая, но не саами, кожа не то смуглая, не то синеватая, косы тоже черные, и по ним вроде как радуга пробегает. Красивая, но что-то в ней есть страшное – не могу понять что. Несколько раз мне снился этот сон – и все чернявая девка меня высматривала в воде...

– И как, высмотрела? – серьезно спросил Калли.

– Да, как раз вчера ночью.

– И после этого тебе еще что-то непонятно?

– Еще бы не понять. Я уж думал... Но почему? Ты верно сказал – кому я нужен?

Калли подумал и предложил:

– Иди-ка ты в самом деле к Вьянмейнену и всё ему расскажи. Он глянет вещим взором, скажем, на ту же воду, или на небо, или в миску с кашей – и увидит, что за ведьма тебя хочет погубить и зачем...

– Если бы все было так легко! Я ведь не корову ищу, а колдунью. А если сильная колдунья не хочет, чтобы ее нашли, так ее и не найдешь.

– Ты знаешь в наших краях хоть одного колдуна сильнее Вьяно? Просто ты на него обижен. Он тебя в ученики не взял, а ты к нему за помощью побежишь, да?

– Хоть бы и так.

– А если боги скажут идти за помощью к Вьяно – пойдешь? Давай-ка их спросим!

Ильмо молча отвязал от пояса и протянул холопу мешочек с костяными гадательными рунами.

Обычай рунного гадания пришел с юга вместе с торговцами из Саксы и стремительно завоевал северные земли, где разнообразных богов обитало немногим меньше, чем людей. И вскоре уже суеверные карьяла, особенно промысловики и купцы, ни одного нового дела не начинали, не посоветовавшись с высшими силами.

– Не хочешь слушать людей – послушай богов, – сказал Калли, встряхивая кости. – Доставай!

Ильмо закрыл глаза и засунул руку в мешочек.

– Смотри, – сказал он, разжимая кулак.

На ладони у него лежала «Чаша» – руна Унтамо, перевернутая вверх ногами.

– Что-то я не пойму, – сказал Ильмо после долгого молчания. – Руна Унтамо означает «священное тайное знание». Как это связано с колдуньей, желающей моей гибели? Да еще и перевернутая...

– А если взглянуть на нее проще? – предложил Калли. – Унтамо – Спящий Бог, значит, перевернутая руна означает «не спать».

Ильмо принужденно усмехнулся.

– Как это – «не спать»? Совсем не спать? Никогда?

– Вытяни-ка вторую руну. Если предсказание туманно, это допускается.

Ильмо снова запустил руку в мешочек и вытянул еще одну костяшку.

– Вот теперь всё ясно, – мрачно сказал он, разжимая кулак. – Яснее некуда.

На ладони у него лежала крючковатая «Мана» – руна смерти.

– Видишь, как всё сразу стало понятно? «Не спать – иначе умрешь».

Оба они надолго умолкли.

– Ложись-ка сегодня в каменном круге, – сказал Калли. – Пусть будет и от него польза – хотя бы чародейка не приснится. Я уж ночью постерегу.

– И на том спасибо. А дальше что?

Глава 3

ЛЕТИ НА ЮГ

Зимнее родовое гнездо Лоухи издревле занимало лучший утес на солнечной стороне главной похъельской гавани. Внизу шумело море, волны грохотали, разбиваясь о прибрежные скалы, белые от птичьего помета. Вдоль побережья на узкой полоске ровной земли теснились длинные приземистые дома под земляными крышами. Луотола, единственный порт в Похъэле, где разрешалось временно жить людям. По большей части здесь селились варги-мореплаватели, купцы и воины, наемники тунов.

А над крышами, в зеленых и бурых пятнах лишайников темной громадой нависал отвесный утес, испятнанный черными точками пещер. Настоящий скальный дворец, уходящий под облака, продуваемый всеми ветрами. Он не был рукотворным – туны никогда не занимались строительством, только кое-где пробили ходы из зала в зал. В нем не было ни дверей, ни лестниц. Пещеры, лазы, трещины и отнорки, и в каждом – гнезда рода Ловьятар. Десятки, сотни гнезд. Род Ловьятар – самый многочисленный в Похъэле. А последние двадцать лет – с тех пор как Лоухи добыла сампо, – и самый сильный. И с каждым годом его сила возрастала.

Кто такая была эта Ловьятар, в Похъэле уже никто толком не помнил. Легенды говорили, что она была человеческой женщиной, забеременевшей от северного ветра. Ловьятар пришла в Похъэлу с юга, из карьяльских земель, откуда ее изгнали местные боги. Она не могла разрешиться от бремени и мучилась, пока Калма-Смерть, Алчущая Хорна, не согласилась стать ее повитухой. Она и нарекла ее Ловьятар – «Дева боли». Ловьятар родила пятнадцать крылатых дочерей, от которых и пошли все остальные кланы Похъэлы.

«А в землях карьяла наших матерей-прародительниц считают демонами болезней», – злобно подумала Лоухи.

О чем бы она в последнее время ни думала, ее мысли все время возвращались к племени карьяла.

Лоухи сидела на пороге своего холодного одинокого гнезда и смотрела с высоты, как искрится в утренних лучах гавань и уплывает вдаль полосатый парус. Слепящий свет северного солнца отражался в ее немигающих глазах, ветер охлаждал сухую кожу, костистые руки, унизанные перстнями, перебирали дорогие бусы из заморского золоченого стекла. Снизу и сверху, из невидимых впадин, время от времени доносилось хлопанье невидимых крыльев и лязг металла. Не было в Похъэле гнездовья, которое охранялось бы строже утеса рода Ловьятар.

Лоухи размышляла.

За прошедшие двадцать лет она обрела верховную власть и стала Хозяйкой Похъэлы не только по имени. Но с тех пор у нее не было ни единого спокойного дня, – и все из-за сампо. Оно оказалось гораздо опаснее, чем предполагали они с Филином, затевая поход к Мировой Оси. Сампо приносило блага, но не всегда, а только тогда, когда, казалось, само этого хотело, и часто даровало своей владелице совсем не то, что она просила. Порой Лоухи казалось, что коварная и непредсказуемая мельница обладает собственной волей. Иногда она с тоской вспоминала о тех временах, когда ее орудиями в борьбе за власть были только ее собственное чародейское мастерство, ум, хитрость и поддержка клана. Тем не менее мельница исполняла желания, и главное из них – власть над всей Похъэлой – уже сбылось. Теперь главным стало второе желание – не утратить ее.

Лоухи прилагала все усилия, чтобы другие туны знали о волшебной мельнице как можно меньше. С помощью хитрой магии сампо было спрятано так, что самый ловкий вор не смог

бы до него добраться. Но оставалось еще проклятие Филина: «Сампо пробудет в руках рода Ловьятар недолго».

– «От карьяла пришло, к карьяла и уйдет», – пробормотала Лоухи, глядя прямо в огненный глаз солнца. – Но когда? Как?

За прошедшие годы она перепробовала все способы уточнить проклятие. Ее придворные колдуны прибегали к сложным чарам, чтобы развеять недоговоренность и пройти дальше по туманным словам, как по гати через трясины. Другие снова и снова пробовали вызывать дух Филина, чтобы вынудить его объясниться самолично. Но видимо, старый тун предусмотрел такую возможность и, растворившись в Мировом Древе, на призывы не откликнулся. В южные хвойные леса, где под покровительством враждебных Похъэле богов мирно жил народ карьяла, было заслано множество шпионов-инородцев, большинство из которых даже не подозревали, для кого собирают сведения. Их многочисленные донесения лишь сбивали с толку. Была даже кровавая попытка разом избавиться от целого подозрительного рода, о чем Лоухи уже много лет вспоминала со стыдом и досадой – потому что злодейство привлекло внимание карьялских богов, а несчастный род оказался совершенно ни при чем...

Как же узнать истину? Оставался еще один, последний и самый верный способ, и Лоухи всегда о нем помнила. Но уж больно ей не хотелось снова расплачиваться собственной кровью. Она еще не выяснила, может ли сампо продлевать жизнь. Но, похоже, иного выхода не оставалось.

Хозяйка Похъэлы встала и ушла внутрь горы, в сумрак своей пещеры.

Личные покои Лоухи являли собой смесь крайней скудости и бестолковой роскоши. Заберись сюда какой-нибудь отчаянный варг, он без колебаний решил бы, что попал в пещеру тролля. Скверно пахнущее ложе из сухих водорослей в дальнем «теплом» углу, куда не забирался ветер, – и сияющие сокровища со всех берегов великого Закатного моря, развешанные по стенам, наваленные кучами на неровном полу. Туны ничего не производили сами, но обожали рукотворные сокровища и, как сороки, тащили себе в гнезда все яркое и блестящее. Нет, встречались среди скальных гнездовых Похъэлы и настоящие обустроенные дворцы, где наемные мастера из южных стран устраивали всё по изысканному человеческому вкусу. Но только не в доме Лоухи. Хозяйка Похъэлы строго придерживалась обычаев старины. Тунам нельзя разнеживаться. Тун, который пристрастился спать на пуховом ложе и разучился переносить мороз, который не может сам догнать и на лету убить альбатроса или выхватить жирную треску из морских волн, на севере долго не протянет.

На одной из стен пещеры висел вырезанный из кости и раскрашенный скромный идол саамской работы. В отличие от прочих предметов в гнезде Лоухи, он был не куплен, не отобран и не украден, а сделан по заказу. Идол изображал пожилую человеческую женщину в саамской парке, с маскоподобным узкоглазым лицом. На правую половину женщина выглядела обычной старой саами. Но левая ее половина была угольно-черной.

Лоухи встала перед идолом, тяжело вздохнула, закрыла глаза и вызвала в памяти воспоминание-видение Проруби.

Каждый человек знает, что умрет. Но только тун точно знает, *как* и *где* он умрет, если, конечно, не погибнет случайно раньше срока. Это подобно памяти наоборот. Как только юный тун начинает выходить из детского возраста, ему начинает сниться Прорубь. Сначала каждую ночь, потом реже, в мельчайших подробностях – чтобы через много лет (а туны живут гораздо дольше, чем люди), в старости, услышав Зов, тун не заблудился в своем последнем полете на север. Прорубь эта – Врата Хорна. Отдельные туны-колдуны, многознающие и твердые духом, могут обращаться к Той, кто ждет по ту сторону Проруби, и даже получают от Нее ответы на вопросы. Но этого нельзя делать безнаказанно.

Сначала мыслями, потом и духом, Лоухи перенеслась на Вечный Лед.

...Ночь, которая никогда не кончается. В небе полыхает северное сияние. Остроконечные, изрезанные играми ветра и мороза ледяные горы. В глубоких сколах, словно аметист, вспыхивает синий наковый лед. Переливаются отблески хаотического чередования световых потоков. Только вода Проруби – неподвижна и черна, как беззвездное небо. Здесь начинается дорога в Хорн, Ледяной Ад – единственное доступное тунам посмертие.

– Мать Калма! – воззвала Лоухи. – Явись, выслушай!

И вот видение вздрогнуло, ожило. У самых ног Лоухи побежали по воде круги, и навстречу ей всплыла гигантская белая косатка. Если Прорубь – вечность, то Алчущая Хорна – проводник и привратник. Косатка сделала медленный круг. Она ждала жертву. Как ни привыкла Лоухи к этому зрелищу, а все же ее снова охватил смертный холод. Как наяву, ей представилось: когда придет ее срок, Калма призовет ее туда, и она, сильнейшая из всех, покорно полетит, как тысячи тунов до нее; как упадет в эту черноту, как намокнут крылья, потянут в ледяную бездну, в невообразимые глубины...

А то, что она сейчас сделает – и уже не в первый раз, – многократно приближает этот день...

– Мать Калма, испей моей крови! Лоухи уколола руку обсидиановым ножом, и в воду закапала драгоценная кровь.

Северное сияние вспыхнуло и угасло.

Видение отступило.

...Лоухи открыла глаза. Она снова была в собственном гнезде. Но больше не было маленького грубого идола на стене. Перед ней, полускрытая густой тенью, стояла маленькая саамская старуха. У старухи была только половина тела – одна рука, одна нога, один глаз. Все остальное отсутствовало. Оно принадлежало Хорну.

– Яви милость, Калма-Смерть, – склонилась перед ней Лоухи. – Вопрос тебе ведом, цена уплачена.

Половина старухи долго молчала, пристально глядя на Хозяйку Похъёлы одним прищуренным глазом. Потом прошамкала:

– Герой придет из рода Калева. И исчезла.

Лоухи с трудом доковыляла до ложа и упала на него без сил. Ее сжигал изнутри мучительный холод, уколотую руку рвала боль. Вот когда пожалеешь, что в гнезде ни пуховых перин, ни защищающих от ветра пологов, а только жесткое старческое ложе из сушеных водорослей, тронутых инеем!

У порога громко захлопали крылья, заскрежетали когти о камень.

– Акка Лоухи!

– Не входить! – грозно крикнула она, собрав последние силы. Хозяйке Похъёлы нельзя показывать слабость. Особенно родичам. Со времен собственного предательства Лоухи никому не доверяла.

– Всё сама, всё сама! – проворчала она, когда холод и слабость слегка отпустили. – Вот она, хозяйская доля! Вас бы бросить в Хорн живьем, дармоедов!

Только теперь Лоухи ощутила забытое чувство – бесконечный, безмятежный покой. Ответ получен, настало время действовать. Она с кряхтением поднялась на ноги и крикнула:

– Найдите мне Рауни! Пусть немедленно летит сюда!

На том же самом утесе, только еще выше, в том месте, где плоский расщепленный край скалы далеко выдавался над морем, стояли на порывистом ледяном ветру несколько молодых тунов. Под ними галдел птичий базар, еще ниже море билось об острые каменные зубы, оставляя на них клочья водорослей. Теплое, щедрое море, полное рыбы.

– Вон она! – крикнул один из тунов. – Плывет сюда!

– Давайте! – эхом отозвался Рауни, распахивая крылья.

Двое приятелей опрокинули над ним бочку, и на плечи и спину туна хлынул поток теплого китового жира. Рауни зажмурился от удовольствия, когда медленные ручейки защекотали кожу, пробираясь между перьями. Какой дурак сказал, что туны не любят тепло? Да они ценят его так, как людям и не снилось. Каждый хранит в памяти ласковый жар материнского гнезда, выстеленного нежнейшим пухом с ее груди. Но ворвань была нужна Рауни вовсе не для того, чтобы согреться. Он расправил крылья, встряхнулся. Крылья стали как чужие – словно свои оторвал, а каменные приставил. То что надо.

– Она приближается! – тревожно сказал другой тун, глядя в море. – Поторопись!

Тяжело ступая и оставляя за собой липкий след, Рауни подошел к краю утеса и там завершил превращение. Помедлил, издал пронзительный вопль, согнав несколько десятков крачек с соседних каменных карнизов, и кинулся вниз.

Он падал как камень, чуть шевеля маховыми перьями. С оглушительным плеском врезался в волны – и вот он под водой, в туче веселых белых пузырьков.

Звуки отдалились, стали гулкими. Туна окружило зеленоватое, сумрачное пространство. Стаи рыб в полном изумлении удирали с его пути. Тун – под водой! Кому скажи – не поверят. Все равно что по доброй воле нырнуть белой сове!

Туны избегают воды. Даже на охоте, на лету выхватывая из моря неосторожную рыбу, внимательно следят, чтобы не накрыло волной. А теперь, в перьях, пропитанных вязким жиром, Рауни скользил под волнами легко, как морянка.¹⁰ Вода сама держала его, выталкивала наружу. Едва успел погрузиться – и уже влечет вверх. Силуэты рыб внезапно прыснули в разные стороны. Кроме одного, самого большого, который направлялся прямо к нему.

А вот и косатка! Быстро же она подросла!

Рауни рванулся, помогая воде, выскочил на поверхность, как поплавок, и изо всех сил забил крыльями. Они словно стали впятеро тяжелее. Понадобились все силы, чтобы оторваться от воды и взлететь. Косатка выпрыгнула из воды, раскрывая зубастую пасть, – но Рауни уже был в воздухе. Низко, редко взмахивая крыльями, он полетел к берегу. С утеса донеслись далекие вопли восторга. Юные родичи один за другим срывались с края и летели вниз, к нему. Снизу они казались крошечными комочками темных перьев.

Первый, самый маленький, летел чересчур быстро, почти падал. Оперение вспыхнуло на солнце сизым радужным отливом. Тун пронесся мимо него, вошел в волны, как стрела, – почти без всплеска.

Рауни опустился на ближайший торчащий из воды камень и с тревогой обернулся. Маленький тун долго не выныривал. Плавник косатки промелькнул неподалеку и исчез. Наконец шагах в ста показалась мокрая голова, раздался хохот. Тун взмахивал крыльями, но не мог взлететь. Тогда он широко раскинул на воде пропитанные жиром крылья и поплыл. Рауни узнал сестру и аж зашипел от злости.

– Дура! – заорал он. – Улетай оттуда! Там косатка!

– Я знаю!

Косатка красиво вынырнула гораздо ближе, чем в прошлый раз, и снова ушла в глубину. Рауни знал их повадки – сейчас нападет снизу.

– Ильяма! – пронзительно завопил он. – Улетай!

Мокрая голова пропала под водой. Рауни разразился бранью. Довольно долго поверхность моря оставалась пустой. Наконец прямо рядом с его камнем, кашляя, вынырнула сестрица. Вынырнула и встала на ноги – вода оказалась ей по пояс.

– Вот так бы уйти из-под носа Калмы! – сверкая глазами, заявила она.

---

¹⁰ Вид приполярной утки.

Рауни молча ударил ее наотмашь. Сестра отлетела назад и плюхнулась в воду. Но через мгновение выскочила наружу не хуже косатки, с яростным воплем вцепилась брату в крыло, стащила его в море и принялась радостно топить.

– Мне тоже захотелось ее подразнить, – прохрипела она, когда они оба, измотанные, встопорщенные, нахлебавшиеся воды, выползли на берег. – Почему тебе можно, а мне нельзя?

Рауни закатил глаза. Спорить с сестрицей иногда было просто бесполезно.

– Между прочим, я здесь по делу, – важно сказала сестра, отряхиваясь. – Меня послали найти тебя и сказать: тебя срочно зовут к матери.

Наследники влетели в пещеру, завершили превращение¹¹ и склонились перед Хозяйкой Похъёлы. Лоухи взглянула на них сурово, но не без удовольствия. Рауни стал настоящим молодцом, хотя до взрослого туна ему, конечно, еще расти и расти. Высокий, стройный, весь в мать. Жесткие черные волосы, синевато-аметистовые глаза, хищное лицо – красавец, да и только. И, конечно, неизменное костяное кантеле на плече. Рауни – способный чародей. Не будь он старшим сыном-наследником, вырастила бы из него рунопевца посильнее Филина...

И сестрица Ильма, маленькая красотка с радужными перьями, здесь, ни на шаг от него не отходит. Оба причесаны, умыты, на лбах – железные обручи, на шеях ожерелья, но перья и волосы мокрые, вымазаны какой-то липкой дрянью, и несет от детей вонючим китовым жиром.

– Я сегодня говорила с Калмой, – небрежно сказала Лоухи, словно речь шла о соседке из дружественного клана.

Сколько лет жизни стоил ей этот разговор, никто узнать не должен.

Царские дети вытаращили глаза, почтительно помалкивая. Лоухи жестом пригласила их подойти поближе.

– Помнишь проклятие Филина, Рауни? Брат твоего деда был прав. Герой придет, чтобы отобрать у нас сампо.

Помолчала и добавила тихо:

– Он придет из карьяльского рода Калева. Рауни нахмурился. Лоухи не делилась с ним своими многолетними страхами и предусмотрительно не подпускала наследника к сампо. Но он понимал – вопрос важный.

– Ты хочешь сказать, он там родится?

– Это возможно, сын. Но я боюсь, он *уже* родился. Скорее всего, вскоре после того, как мы добыли сампо.

Рауни быстро подсчитал.

– Так он уже вырос! По человеческим меркам он уже взрослый!

– Ну, не настолько. Такой же птенец-подлеток, как и ты. Надо его найти.

Лоухи принялась ходить туда-сюда по пещере. Дети следили за ней глазами.

– Что такое этот род Калева? – спросил Рауни. – Могущественный клан, вроде нашего?

– Ах, я уже все узнала. Благодаря моим шпионам у нас столько сведений о карьяла, что в них можно утонуть. Есть у них многочисленные сильные племена, но это не про тех, кого мы ищем. Род Калева – одно-единственное поселение недалеко от озера Кемми, в шести дневных перелетах на юг отсюда. Они всего лишь лесные жители, рыбаки и охотники. К северу от них больше деревень нет, сплошь глухие леса, потом тундра и земли саами.

– *Наши* земли, – уточнил Рауни.

Обдумав слова матери, он пренебрежительно сказал:

– Всего лишь мелкое человечесьё племя. Почему бы не уничтожить их всех, для надежности?

---

¹¹ Туны могут управлять превращением и останавливать его на любой стадии. В облике огромной хищной птицы они только летают и охотятся. Обычный и самый удобный для них «домашний» вид – полуптицы-получеловека. Отправляясь в саамские земли за данью или общаясь с людьми по торговым делам, они могут принять и полностью человеческое обличье. Но благодаря многочисленным мелким особенностям, с людьми их все равно сложно спутать.

Лоухи с досадой поморщилась.

– Хватит, уже пытались. Даже не думай!

– Но почему?

– Я не сказала вам самого главного. На горе, недалеко от селения Калева, живет один человеческий колдун, – с отвращением произнесла Лоухи. – Его зовут Вяйнемейнен. Я давно его знаю, и он меня, к сожалению, тоже. От этого чародея надо держаться как можно дальше, потому что он единственный, кто может нам всё испортить. Если он что-то разнюхает, то может взять того, кого мы ищем, под свою защиту. Или попросить защиты у карьяльских богов, которые ненавидят Похьёлу, и тогда мы точно никого не найдем.

– Но, мама, – подала голос Ильма, все это время внимательно слушавшая мать и брата. – Как мы узнаем, *кто* именно из этого рода – будущий похититель сампо?

– Резонный вопрос, – кивнула Лоухи. – И ты, если уж пробралась сюда без приглашения, им и займешься. Попробуй найти его сама. Если вор родился вскоре после нашего похода, я назову тебе его точный возраст.

– Но, мама, у меня не получится! Я же только начинаю учиться смотреть сквозь воду...

– Ничего, тебе полезно упражняться. Так и быть, можешь взять мою гадательную чашу.

А когда найдешь нужного человека, покажи его нам с Рауни. Потом Рауни отправится в южные земли – и убьет его.

Брат и сестра взглянули на мать с одинаковым изумлением.

– Но разве тунны могут пересекать Борозду Укко?!

– Мир изменился, – ответила Лоухи с кривой улыбкой. – Что-то мы с Филином там нарушили, что-то надломили, когда добывали сампо. Все больше брешей в невидимой границе. Хийси и раньше тайком пробирались из Похьёлы на юг, теперь же хлынули ордами. Думаю, незамеченным проскользнет и один тун.

– О-о-о! – Глаза Рауни загорелись. – Значит, сампо уничтожает границы, установленные богами?! Мать, а ведь это хорошо!

– Нет! – каркнула Лоухи. – Знаю, о чем ты думаешь. Оставь эти мечты, сын. Мы пока не готовы к войне. Пусть тунам нет равных в колдовстве, но нас слишком мало, чтобы подчинить себе южные земли, и я не уверена, что остальные четырнадцать кланов нас поддержат. Тут надо действовать хитрее, исподтишка. Ты отправишься в земли карьяла один, Рауни. Полетишь до границы саамских земель, дальше пойдешь пешком, в людском облике. Летать будешь в крайнем случае, только по ночам. В тех краях живет один человек... он принадлежит мне, хоть и сам об этом не знает. Я научу тебя, что ему наплесть. Иди прямо к нему, будет тебе и убежище, и помощь. Найдешь будущего похитителя сампо – убей. Но только наверняка. И чтобы это выглядело случайностью, а еще лучше – естественной смертью. А что до войны... мы к этому еще когда-нибудь вернемся.

«Когда-нибудь!.. Можно подумать, старуха, у тебя впереди вечность!» – подумал Рауни, вслух же спросил:

– А если я ошибусь и убью не того? Или Ильма напутает с чашей?

Лоухи захихикала:

– Если ты пару раз ошибешься, большого вреда не будет.

– А мне можно полететь на юг с братом? – спросила Ильма. И тут же сама себе грустно ответила: – Ну конечно, так я и знала...

Глава 4

ПОТОМКИ КАЛЕВА

От охотничьей стоянки на озере Олений Мох до горы, где обитал Вяйнемейнен, было два полных дня пути – без ночевки никак не обойтись. Но Ильмо и Калли, хорошенько все обдумав, нашли лазейку. Где укрыться от злого колдовства, как не в обителище богов? Поэтому Ильмо уклонился с прямой дороги и на закате следующего дня вышел к лесному святилищу Ильматар, Небесной Жены.

Собственно, святилища как такового и не было. Ни островерхой резной хоромины, как у южных карьяла, ни расписных идолов за высоким тыном, как у веньясловен. На покато холме росла огромная, раскидистая священная береза, зеленым шатром возвышаясь над лесом. Лес вокруг холма не рубили, он расступился сам, склонившись перед мягкой мощью любимого дерева верховной богини. Ствол у корня было не обхватить и пятерым, но нежная кора белела так же, как пару сотен лет назад, и тонкие ветви стелились по земле, словно льняные девичьи косы. Женщины и девушки окрестных селений, справляя свои женские обряды во славу Ильматар, вплетали в эти косы яркие разноцветные ленты и нитки. Верховой ветер трепал необъятную крону, сбрасывая на землю первые желтые листочки.

Под этой березой Ильмо и расположился на ночь. Он был уверен, что уж здесь-то его точно никто не потревожит. Мужчинам запрещалось участвовать в обрядах женских богинь, но Небесная Жена никому не отказывала в помощи. Особенно тому, кто и назван был в ее честь – Ильмаринен,¹² «птица небесная».

Ильмо с детства привык ночевать в лесу под деревьями, и холод его не пугал. Он лежал на траве, закинув руки за голову, и постепенно погружался в сон, как будто уплывая на волнах приглушенных запахов и звуков. Кислый запах сохнувших листьев, сырого мха и грибов, привычный комариный звон, терпкий аромат поздних цветов... Над головой, в обрамлении шелестящих веток – звезды, словно холодные искры инея. Ночное небо, как окно в грядущую зиму.

Лес всегда был для Ильмо уютнее и роднее, чем отчий дом. Конечно, Тапиолу и раньше нельзя было назвать безопасным пристанищем. Здесь умирали и убивали – но никогда не убивали из ненависти, только по необходимости. Что же творится с ней теперь? Казалось, светлую Тапиолу кто-то сглазил, как ту болотную ель, в которой поселился зубастый хийси. На миг в сознании Ильмо промелькнуло видение боя с оборотничихой и подменным. Коварство, подлость, жестокий расчет – на такое способны лишь хийси. И люди...

Ильмо закрыл глаза. В святилище Ильматар не было места для нечисти, даже в мыслях... даже в снах. Насилие и ненависть остались за кругом тишины.

Около полуночи к березе вышел старый лось, которого охотник спугнул накануне. Он обнюхал спящего, фыркнул и ушел в чашу. Позднее, когда на холме стало светло от звезд, из густой травы вылез ворса¹³ в кафтанчике из опавших листьев, с грязной бородой, похожей на пучок корней. Он повертелся возле человека, разглядывая его во все свои мышинные глаза; особенно долго и алчно таращился на серебряную пряжку пояса с вытравленной руной «урожай», приносящей удачу. Уже и лапку протянул – но получил сухим сучком по макушке, пискнул и спрятался обратно в траву. А под утро, когда лес затих и успокоился в молочных сетях тумана, раскинутых в розовой заводи неба, из светлого марева выплыла на поляну призрачная фигура, похожая на скрытое в облаке весеннее солнце. Когда же край солнца заблестел над лесом, она исчезла вместе с туманом.

---

¹² Окончание – нен – в древности торжественная форма имени, позднее – фамилия.

¹³ Ворса – мелкая лесная нечисть, вроде домового.

Ильмо проспал ночь без сновидений. Проснулся он на заре от ощущения чьего-то взгляда. Резко приподнявшись на локте, он увидел, что в пяти шагах от него стоит девочка лет десяти, нарядная и румяная, в расшитой жемчугом повязке на льняных волосах. Лицо девочки показалось ему знакомым. Серебряные лягушачьи лапки в ушах и на шее указывали на принадлежность к роду Калева. Вид у нее был торжественный, в руках – большое розовое яблоко. Должно быть, девочка пришла в святилище в такую рань, чтобы принести первенца от яблони в жертву богине.

Впрочем, имени ее он вспомнить не смог: «Кажется, сестренка одной из подружек Айникки...»

– Эй, Ильмаринен, – неожиданно произнесла девочка. – Не ходил бы ты в Калева!

– Почему? – опешил он.

– А там нынче поселился страх.

– Какой еще страх? – опешил Ильмо.

– Они и сами не знают, какой. Смотри, как бы ненароком тебе им не оказаться. Чтобы не решились, увидев тебя, – ага, вот и он!

Охотник нахмурился. Может, девчонка решила над ним подшутить? Нет, глядела серьезно и, кажется, в самом деле за него тревожилась.

– Ничего не понимаю, – искренне сказал он. Девочка вздохнула, как взрослая.

– Дети Калева боятся всего, что приходит из Тапиолы, – отдельно произнесла она.

Ильмо пожал плечами. Но странные речи ребенка пробудили в нем смутную тревогу:

– Да что там случилось-то?

– Пока ничего. Право же, послушайся меня, Ильмаринен. Обойди деревню стороной и иди прямо к Вяйнемейнену. Всем будет так лучше. Вяйно тебе и руку вылечит...

Ильмо покачал головой. Он давно проголодался и очень рассчитывал перехватить чего-нибудь у дяди. А до горы, где живет Вяйно, еще день пути. Если все хорошо, доберешься только к вечеру. Что за нелепые разговоры о каком-то «страхе из Тапиолы»?

– На, возьми, – девочка, словно прочитав его мысли, протянула ему яблоко. – Им и пообедаешь. Оно сладкое...

– Одним яблоком мне не наестся, – возразил Ильмо и поднялся на ноги. Он принял решение и не собирался его менять из-за туманных предостережений какой-то девчонки. – Спасибо, маленькая. Ты ведь его в святилище несла, вот и носи, не то Ильматар разгневается. Что там, в Калева – кто-то на меня сердит?

– Все, – сурово ответила девочка. – Кроме Айникки.

– Ну, тогда я спокоен.

Девочка снова вздохнула, но спорить не стала, только отступила в сторону, давая Ильмо дорогу.

– Почему ты меня не слушаешь? – обиженно проговорила она. – Я ведь хочу тебе добра!

Ильмо потрепал ее по макушке.

– Пусть Ильматар будет к тебе благосклонна, маленькая.

– И к тебе, Ильмаринен.

Охотник сбежал с холма. Ветер прощально подтолкнул его в спину. Ильмо обернулся. Священная береза в вышине качала кроной, как будто говоря ему: «Еще свидимся!» Румяная же девочка исчезла, словно ее и не было.

От святилища к селению Калева вела широкая хоженная тропа. Береза давно осталась позади, лес поредел, замелькали среди стволов желтые пятна кулиг.¹⁴ Поля блестели от утренней росы. И вот уже вдали показалась река, а за ней, на высоком берегу, заборы, избы, выгоны и огороды рода Калева.

---

¹⁴ Кулига – небольшое поле в лесу, образовавшееся в результате вырубki или сжигания деревьев.

Ильмо, хоть родился и вырос в Калева, всегда чувствовал там себя отчасти чужим и к людям возвращаться не любил. В лесу, одному или с молчуном Калли, ему было спокойно и уютно. А теперь, разглядывая издалека острые коньки крыш, Ильмо словно бы издалека ощутил тот страх, о котором говорила девочка в святилище. Как будто над деревней нависла незримая паутина из трусливых и недобрых помыслов, зависти, лжи и мелкой злобы. Впрочем, может, ему только так чудилось – после чистоты и покоя Тапиолы.

Ильмо миновал опушку леса – и неожиданно увидел перед собой частокол. Определенно, жители Калева времени не теряли. Последний раз, когда он навещал родичей – а это случилось более месяца назад, – ничего подобного здесь не было. Все и так знали: вот лес, а вот земли рода Калева, так было и будет во веки веков. Раньше селение окружала хлипкая ограда из жердей, только чтобы глупая скотина не уходила в лес. А теперь деревня ошетижилась в сторону Тапиолы заточенными кольями. С другой стороны ее охраняла надежная преграда – река.

Ильмо уже не удивился, когда вместо старой рогатки, что вечно стояла сдвинутой к обочине, обнаружил настоящие ворота – навесные, двустворчатые, в человеческий рост высотой. У обочин были вкопаны колья, увенчанные черепами жертвенных коров и коз. Эти колья торчали здесь и раньше. В положенные дни животных отводили в лес и оставляли там на корм диким зверям, а потом забирали кости и вешали черепа, в напоминание Тапио. Но теперь к ним добавились две высокие жердины, на которых кто-то повесил новые черепа – человеческие.

Ильмо в первый миг даже струхнул. Пригляделся – и перевел дух: черепа были очень старые. «Это, наверно, те головы, что принесли с войны», – сообразил он. Пятнадцать лет назад роду Калева повезло – в междоусобице он участвовал на стороне Унтамо, а не его несчастного брата. Противникам досталась смерть, победители вернулись с богатой добычей. Некоторые, как староста Антеро, привезли из дальних краев жен. А иные – должно быть, не самые умные – приволокли вываренные черепа врагов, чтобы по воинскому обычаю украсить ими свои ворота. Но черепа в деревне не прижились. Прошло немного времени, вояки успокоились, и старейшины потребовали убрать пакость с глаз подальше. Похоже, пакость понадобилась снова. Обе мертвые головы были ярко раскрашены – не иначе как постаралась ведунья Локка. Узор был разный. На правом красный – для битвы, на левом синий, с белым Глазом Укко на лбу – против хийси. На череп воина кто-то нахлобучил ржавый шлем.

Ильмо подошел к воротам и поклонился мертвым сторожам.

– Я иду из Тапиолы, я чист! – произнес он ритуальные слова.

Проходя мимо черепов, глядевших на него пустыми глазницами, Ильмо неожиданно показался сам себе каким-то чудовищем, выбравшимся из леса в человеческие земли. Впрочем, через ворота он перелез без особого труда. Если там и были наложены чары, на него они не подействовали.

Селение Калева раскинулось на излучине лесной речки Яннего, или Звонкой. Далеко в верховьях Яннего звенела и грохотала на порогах, но деревню огибала широкой лентой медленной черной воды. Хлипкие пристани тянулись из камышей, как вывешенные на просушку деревянные половики, и у каждой покачивалось по две-три лодки-долбленки. Вдоль берега под навесами сушились сети. Наверху, на крутом берегу, за частоколами и огородами, просторно стояли большие темные избы. Раскидистые священные рябины, хранители очага, клонились к земле, усыпанные кровавыми гроздьями. Когда-то лучшие из этих изб принадлежали колдунам-охотникам, которыми славился род Калева. Но с тех пор, как сгинул последний из них, уже четверть века прошло.

На самом высоком месте, над обрывом, высился небольшой курган – жилище предка-покровителя рода Калева. На кургане торчал деревянный столб, украшенный вязью охранных рун, главной из которых была мощная руна «земля предков». Верхушку столба венчала грубо вырезанная голова самого первопредка Калева: борода веником из-под берестяной личины. В основании столба лежал камень, похожий то ли на перепелиное яйцо, то ли на раздувшуюся

лягушку. На камне пестрели неопрятные следы подношений. Старики утверждали, что камень этот родила земля, и это есть образ первоматери рода, супруги предка Калева.

О том, как возник на свете род Калева, одного мнения не существовало. Из поколения в поколение передавали в роду легенду о том, как давным-давно, во Времена Сновидений, верховный бог Укко в образе лягушки упал с пня, и на него наступил медведь. Покинув бранные останки, Укко долго думал, на что бы их употребить, в конце концов придумал – и смастерил из них человека. Так на свет появился первопредок Калева, а от него пошли все северные карьяла.

Еще рассказывали иначе. Однажды Укко облачился в лягушачью кожу (зачем, то было ведомо только ему одному), да и свалился с пня прямо под ноги медведю (пути богов неисповедимы). В это время мимо проходил райден по имени Калева. Он как раз думал, не обзавестись ли ему семьей, но вот беда – других людей на свете тогда еще не появилось. Увидев медведя, отважный охотник застрелил его. В тот же миг Укко принял свой истинный облик и сказал, что исполнит любое желание спасителя. Калева пожелал жену. Укко задумчиво посмотрел на останки лягушки... Так на свете появились северные карьяла.

Вообще, преданий и баек о Калева и временах творения среди карьяла ходило неисчислимое множество. Умалчивалось в них только об одном – почему Калева носит берестяную личину.

В самой древней части селения, за высоким полусгнившим частоколом с резными воротами стояла большая изба. Когда-то ею владел отец Ильмо. Он же превратил свое жилище в крепость, зажав избу от хийси. Стены дома, сложенные из кондовых¹⁵ сосновых стволов, стали от времени бархатисто-черными, как сажа. По воротам и наличникам летели табуны огненных коней, на воротах были вырезаны знаки луны и солнца. И повсюду, от крыльца до конька, где едва заметно, стертый временем, а где ярко и жутко, смотрел белый глаз с черным зрачком – Глаз Укко, оберегающий от зла.

Отец Ильмо умер более пятнадцати лет назад от ран, полученных на войне. После его смерти дом перешел к Куйво, его младшему брату, дяде Ильмо. Куйво, никогда не имевший склонности к ратным подвигам, вел хозяйство спустя рукава, так же относясь и к воспитанию осиротевшего племянника. Ильмо, вместо того чтобы набираться около дяди рыболовецкой премудрости, сначала пытался набиться в ученики к Вяйнемейнену, а потом и вовсе переехал в Тапиолу. Старинный зачарованный дом понемногу пришел в упадок. Шестикрылые птицы и огненные кони бледнели и выцветали под снегом и дождем и постепенно покидали стены дома, переселяясь, должно быть, в более подходящие места.

Ильмо задами подобрался к отцовской избе, проскользнул в приоткрытые ворота, откинул закрывающую вход лосиную шкуру и сунул голову в душную темноту сеней.

– Эй, дядюшка! – позвал он шепотом, чтобы не разбудить детей.

– Медведь тебе дядюшка, – глухо послышалось изнутри. – Сейчас как огрею по спине оглоблей, чтобы не орал над ухом ни свет ни заря...

– Братец пришел! – раздался сонный голосок одной из маленьких сестер Ильмо.

– Ш-ш-ш! Нет там никого! Братец ваш в Тапиоле! Детские голоса умолкли. Вскоре в сенях показался Куйво. Приземистый, бородатый, как словен, он был похож на племянника только темной рыжиной волос. Внимательно оглядев Ильмо, он кивнул, но хмурое выражение с лица не убрал.

– Вот принесла нелегкая... – Куйво подошел к бочке с водой и плеснул себе в лицо. – Ты чего явился, бродяга? Чего тебе в лесу не сидится?

– Руку обжег, – ответил Ильмо, удивленный нелюбезным приемом. – Встретил хийси, вот и пришлось их...

– Стало быть, будешь на моей шее сидеть, пока не заживет?

¹⁵ Конда – сухая, смолистая боровая сосна, в отличие от мянды – рыхлой сосны, выросшей на болоте.

– Еще чего, – обиделся Ильмо. – Я к Вяйно пойду. Где он сейчас? На своей горе?
– Куда ж ему деться? Сходи к нему, сходи. Да прямо сейчас и отправляйся. Э нет, в избу не ходи! Подожди-ка...

Умывшись, Куйво зашел в избу и сразу вернулся обратно с пирогом в руках.

– Возьми – и ступай отсюда, пока народ глаза не продрал. Да не улицей, а тишком, огородами. А вечером, после заката, так уж и быть, приходи ужинать – только чтобы никто не заметил.

– Дядя, – не выдержал Ильмо, – да что у вас здесь творится? Кого ни встречу, все меня гонят прочь из деревни!

– Всё от проклятой ворожбы, все беды от нее! – назидательно сказал Куйво. – Ходил бы на рыбный промысел, как все хорошие люди, или землю пахал, так нет же, потянуло бродягу в Тапиолу, к нечисти поближе! И чем все кончится? Хорошо, если просто отметелят и выгонят вшаей за околицу! А если, как старики советуют: вбить рябиновый гвоздь в макушку, обмотать соломой и сжечь?

– Меня?!

– А то кого же? Слушай, Ильмо, что люди говорят. Три дня назад многомудрой Локке явился наш пращур Калева в лягушачьем облике и предрек...

Ильмо расхохотался.

– Ах, Локка – вот оно что! Нашли кого слушать! Локка – завистливая, вредная старуха, от нее одно беспокойство. В следующий раз, когда явится со своими пророчествами, скажи ей: великий райден Ильмаринен благодарит за «добрые слова» и просит передать вот это, – Ильмо сложил из пальцев некую устрашающую загогулину. – А на другой день здоровьем ее поинтересуйся.

Куйво ухмыльнулся, но снова помрачнел.

– Тебе, бездельнику, все бы хиханьки да хаханьки. Появлялся бы в родных местах почаще, так узнал – у нас уж месяц как никто в лес не выходит, разве что вдоль опушки и солнечным днем. А ночью за околицу никого и дубьем не выгонишь. Черепа-то видел?

– Конечно!

– Знаешь, почему их там повесили? Чтобы тот, кто приходит из Тапиолы... – Куйво глянул племяннику через плечо и умолк.

– Сейчас тебе получше моего все расскажут, – сдавленным голосом сказал он, сгибаясь в поклоне.

В ворота входили двое. Крепкая жилистая старуха, одетая пестро и богато: у висков серебряные лягушачьи лапки, кожаные кенги расшиты цветным бисером.

От нее веяло терпкими сушеными травами и можжевельным дымом. Разряжена как на свадьбу, лицо суровое, брови насуплены. В полушаге позади, поддерживая важную старуху под локоток, шел немолодой мужчина. Рядом с сухопарой бабкой он казался огромным, медлительным и неловким. Увидев Ильмо, глянул на него тяжелым взглядом из-под нависших век.

– Не обманули рыбаки. Явился-таки!

– Я знала, что он придет, – торжествующе заявила старуха. – Предка не обманешь!

– Батюшка наш Антеро! – засуетился Куйво. – Матушка Локка! Окажите милость дому, проходите в избу!

– Нет, в *эту* избу мы не пойдем, – со значением ответила Локка, мостясь на высоком крыльце. Антеро и Куйво подхватили ее под руки, помогая устроиться поудобнее.

– Ох, спина так и ноет – видно, к дождю! – сообщила знахарка, устроившись на крыльце так, чтобы прочие стояли перед ней как на судилище у словенского князя.

«Врешь ты все, старая лягва, – подумал Ильмо. – Да на тебе пахать можно. Ты тут всех нас переживешь!»

Ильмо и Локка не переносили друг друга уже много лет – с тех пор как Вяйно взялся учить мальчишку колдовству. Хоть он это занятие и забросил, но вражда осталась. Локка не уставала повторять, что охотник, полжизни проводящий в Тапиоле, рано или поздно накличет беду на род, а Ильмо ее высмеивал и в глаза, и за глаза. Родовичи смеялись, но с оглядкой. Все они, кроме Ильмо, боялись знахарки.

– Садись, матушка, – подолыщался к гостье Куйво. – Пива просяного не желаете? Пирогов? Правда, вчерашние, черствые...

Локка как будто ждала этих слов.

– Не время рассиживать за пирогами, – зловеще произнесла она, – когда беда стоит на пороге!

Куйво испуганно моргнул.

– Я слышал, с тобой говорил сам предок Калева? – спросил Ильмо, откусывая от пирога, – тот оказался с томленным луком и белыми грибами. – И что он сказал?

Локка на него и не взглянула.

– Три дня назад я услышала голоса пращуров, – заговорила она, глядя перед собой неподвижным шущим взглядом. – То деды наши веселились под землей, в черной Манале! Поспешила я на берег, к священному холму, принесла жертвы и развела костер, и с дымом мой дух отправился за Черную реку, в страну мертвых. Там, в земле предков, я встретила отца нашего Калева. Сидит он, и слезы из-под личины текут по бороде. А вокруг него умершие родичи хороводы водят, веселятся: «Скоро к нам детки наши придут! Все до единого!»

– Это как же... до единого? – пролепетал Куйво.

– А отец Калева мне и говорит: «Близится гибель рода! Беда идет неминуемая, с севера, с юга и от родного очага! Ведет беду молодой воин, на челе у него кровь, в одной руке меч, в другой пастуший рог, а за ним – неисчислимое войско хийси и темные крылья Похьёлы!»

Локка умолкла. Куйво в ужасе ухватил себя за бороду. Антеро не отрывал от Ильмо мрачного взгляда.

– Это, стало быть, на меня предки указали? – нахально спросил Ильмо. – Прилечу, значит, с войсками на крыльях Похьёлы и родной очаг порушу?

– Молчи, охальник! – простонал Куйво, махнул рукой и отвернулся.

– Матушка Локка, ты, чай, не мухоморами объелась? – вежливо продолжал Ильмо. – Какая Похьёла? Я давеча убил двух хийси, едва жизни не лишился, а ты говоришь – войско! И кто тут воин? Я и меча-то в руках сроду не держал! Ищи воинов в южных землях, у варгов!

– Сказано: «от родного очага», – повторил Антеро. – Спорить тут не о чем – и так все ясно. Пошли с нами, Ильмаринен.

– Батюшка Антеро, прости его, неразумного! – взвыл Куйво. Видно, решил, что рябиновый гвоздь и соломенный костер уже ждут племянника за воротами.

– Уймись, Куйво, – сурово сказал Антеро. – Ничего ему пока не будет. Сначала поговорить надо... а там посмотрим. Ильмо, ты идешь? А то я ведь и рабов могу позвать – посадят в мешок да отнесут!

Ильмо пожал плечами, откусил сразу полпирога и пошел вслед за Антеро и Локкой вверх по пустой кривой улице, туда, где над кронами рябин возвышался острый конек хором Антеро.

Глава 5

УХОДИ И НЕ ВОЗВРАЩАЙСЯ

Широкое подворье Антеро тоже окружал частокол, но, в отличие от Куйво, хозяином староста был основательным и заботливым. Колья стояли один к одному, и с бревна на бревно перепархивали синие шестикрылые птицы – стражи Голубых полей.

Рабы уже проснулись и занимались утренними делами. Из хлева доносилось мычание. Через двор прошла холопка с ведром молока. Другая выскользнула навстречу из избы, пугливо опустив глаза.

Антеро придерживался обычаев старины – как и в доме Куйво, вместо двери у него была повешена засаленная медвежья шкура. Наверху, над косяком, красовалась страшная морда: белая, с вытаращенными глазами, оскаленными зубами и высунутым змеиным языком. То было наследие какого-то доблестного предка старосты: хийси, попавший во власть охотника-колдуна и обращенный в защитника дома. Немногие гости осмелились бы пройти под ней без позволения хозяина, но только не Ильмо. Охотник дерзко подмигнул стражу и вошел в сени вслед за Антеро. На мужской половине было чисто и пусто, блестела скобленая столешница, празднично пестрели половики. С женской, из-за печи, доносились негромкая болтовня и бряканье посуды. Топили печь, пахло кашей, по вытяжному желобу под крышей вился дымок.

Староста и Ильмо сели на лавку в красном углу. Локка с ними в дом не зашла, то ли осталась во дворе, то ли отправилась восвояси. Ильмо, обнаружив это, сильно приободрился. Хоть он и зубоскалил над знахаркой, а все же от ее слов ему стало не по себе. Не только за себя, но и за родичей. Едва ли Локка осмелилась бы приписать предку свои домыслы. Хоть и был Ильмо уверен, что он сам тут ни при чем, но над родом Калева словно нависла зловещая тень.

– Давно я хотел тебя повидать, – произнес Антеро, поглаживая короткую пегую бороду. – Даже мыслишка была – послать холопов к тебе на стоянку, на гору Браге, чтобы они тебя оттуда притащили силой.

Ильмо покраснел.

– Так что же не послал? – грубо спросил он. – Холопов пожалел?

– Да, пожалел... от работы на три дня отрывать. Да и Локка сказала – сам вскоре явишься. Не соврала! А еще, – староста выразительно взглянул на домотканую занавесь, отделявшую женскую половину избы, – не хотел расстраивать Айникки.

Ильмо тоже покосился на занавеску. Там уже не болтали и не брякали, а только тихонько сопели.

– Ладно, – сердито сказал Антеро. – Давай с этого и начнем... чтобы сразу покончить, а уж потом перейти к делу. Я знаю, Ильмо, что ты положил глаз на мою дочку. Добрые люди даже говорили, будто видели, как ты с ней вроде как на речку ночью бегал, миловался под ракитовым кустом...

– Мало ли что добрые люди говорят, – возразил Ильмо, ухмыляясь. – Не пойман – не вор. Антеро поморщился, но продолжил:

– Еще говорят, что ты собирался этой осенью присвататься...

«А это он откуда узнал? Ну, дядюшка с тетушкой, удружили!» – подумал Ильмо с досадой.

– Надеюсь, ты понимаешь, что я за тебя замуж дочку не отдам?

Ильмо покраснел еще сильнее прежнего. Хотел ответить что-то ядовитое – дескать, не больно-то и хотелось, – но посмотрел на занавеску и смолчал.

– Почему? – мрачно спросил он вместо этого. – Из-за этих бредней Локки?

– Предсказания Локки тут ни при чем. Я уж давно всё решил.

Антеро загнул палец:

– Первым делом, прибытка мне с тебя никакого. Земли у тебя мало, изба большая, но ветхая, и куда девать Куйво с семейством? Рабов и вовсе нет, кроме одного бесполезного заморыша...

– Мое богатство не в рабах и не в пашнях, – гордо сказал Ильмо. – Я охотник.

– Охотник? Вот! – Антеро загнул второй палец. – Наш род живет рыболовством и земледелием. Река Яннего нас кормит, и никто не жалуется. Тапиола же – обиталище хийси. Ты здесь редко бываешь, Ильмо, иначе бы знал, как у нас смотрят на парня, который не вылезает из леса. Или не знаешь, что тебя здесь многие уже боятся?

– Я из рода райденов...

– И где они сейчас, эти райдены? Всех забрала Тапиола! Это ли не знак – людям там делать нечего! Знаешь, что про райденов-то твоих говорят? Что они сначала с хийси воевали, потом повелевать ими возжелали, и чем закончилось? Те, кто в битвах с хийси не погиб, – сам хийси стал!

– У хийси нет надо мной власти!

– Ах, да – тебя ведь учил Вяйно. Хоть и недоучил, но все ж кое-каких колдовских приемов ты у него нахватался...

Антеро загнул третий палец.

– А зять-колдун мне не нужен и подавно. Конечно, колдуны богаты, люди их боятся, но дело это ненадежное и опасное. Вдову колдуна уж точно никто замуж не возьмет, и детей его род не примет. И потом, кто знает, куда тебя поведет: хорошо, если в ярмарочные «хранители имен», а если в черные ведьмаки, что служат Калме?

И на сей раз Ильмо снова промолчал. Не потому, что возразить ему было нечего, а от стыда. Конечно, он мог бы передать старосте слова Вяйно о том, что настоящего колдуна из него не выйдет. Мог бы признаться, что всех его умений не хватит, чтобы самому заговорить нож или самострел...

– Не знаю, что с тобой делать, Ильмо, – вздохнул Антеро. – Ты знаешь, что я на тебя зла не держу, парень ты неплохой. Но что люди скажут?

– Что Локка подскажет, то и люди повторят, – буркнул Ильмо.

– Вот именно. Тут и без ее предсказаний такое творится... Видел частокол вокруг деревни? Черепа? Один из них я принес, кстати.

– Да уж как не видеть! Как раз хотел спросить – зачем они? Разве нет границы между землями рода и Тапиолой?

– Не знаю, Ильмо. Только хийси ведут себя так, словно ее в самом деле больше нет. Вот уже месяц одолевают. Повалился тут один летать в сумерках – уже несколько раз видели в небе, кружил над Калева... хорошо хоть спуститься не посмел... Не иначе как кто-то, – староста как бы невзначай взглянул на Ильмо, – разгневал Тапио. Тебя здесь и так частенько вспоминали недобрым словом. А теперь, после предсказания Локки, всем все стало ясно.

С женской половины донесся невнятный придушенный звук. Но Ильмо уже не посматривал на занавеску – сидел впившись взглядом в лицо Антеро.

– Зачем ты мне все это говоришь?

– Пойми, Ильмо, люди боятся. И чем сильнее боятся, тем меньше соображают. Поговаривают уже, что надо умиловить Тапио щедрой жертвой... понимаешь?

– Не совсем.

– Локка, – вполголоса сказал староста, – хочет твоей смерти и подбивает старейшин. А я против всех не пойду. Слушай, Ильмо, – ни жены, ни детей, ни отца с матерью у тебя нет, ничто тебя здесь не держит. Может, уйдешь потихоньку обратно к себе на гору?

– Как это «уйдешь»? – опешил Ильмо. – А дальше что?

– Да что угодно: охоться, колдуй, купцом становись, к варгам в дружину нанимайся. Мир велик.

Ильмо ничего не ответил, его словно к скамье приморозило. Как это можно – уйти? Все равно что вырвать дерево с корнем и выбросить в реку – плыви, дескать, куда хочешь! Не то чтобы он не смог прожить один – он ведь и жил один уже годы, – но порвать с родом навсегда... стать чужим...

И главное – Айникки!..

– Если же ты надумаешь остаться, – добавил Антеро, видя колебания юноши, – я тебя от стариков защищать не стану. Так что не обессудь, если к вечеру получишь рябиновый гвоздь в макушку, соломенную рубашку и жаркий костер. Но думается, можно без этого обойтись... Да и дочку мне жалко.

– Ладно, – сдавленным голосом ответил Ильмо. – Я подумаю.

– Вот и думай побыстрее, – Антеро поднялся с лавки, показывая, что разговор окончен. – И лучше – подальше отсюда. Что надумал? Ты мне потом еще спасибо скажешь...

Ильмо, не прощаясь, вышел во двор. У ворот стояла Локка, опираясь на палку. Охотник прошел мимо нее, стараясь не глядеть, чтобы с языка не сорвалось чего лишнего. Локка молча пропустила его мимо себя, не попыталась задержать и ничего ему не сказала. Ильмо подумал, что они с Антеро договорились, и, скорее всего, никто не стал бы сжигать его в соломе. А вот его уход устраивал всех.

– Вот вы как со мной! – прошипел он. – Родичи... Он обещал уйти, и уйдет. Но кто сказал, что он уйдет один?

Впереди уже виднелась изба Куйво. Ильмо обошел ее кругом и берегом реки вернулся к подворью Антеро с другой стороны, где частокол подпирает развесистую черемуху. Дерево наполовину засохло, навалилось на тын, колья разошлись в разные стороны. Антеро не осмелился срубить священное дерево, но заградил прореху иначе. Когда Ильмо взобрался по серому корявому стволу и спрыгнул вниз, из конуры у амбара сразу высунулась огромная песья голова. На незваного гостя двумя льдинками уставились тусклые глаза. Пес поднял морду, приносясь.

– Эй, мохнатый, это ж я! – негромко окликнул его Ильмо. – Не узнаешь меня, волчья погибель?

Косматый пес зевнул во всю пасть и развернулся к Ильмо спиной. Ильмо прокрался дальше, к задней стенке дома. Где-то наверху скрипнула ставня.

– Ильмо! – раздался громкий шепот. – Никто не смотрит, залезай скорее!

Девичья горенка была разделена на две части пологом с красной и черной вышивкой. В одной жила Айникки, в другой, под слуховым окном, куда влез Ильмо, находился домашний алтарь, посвященный богам Небесных Полей. Он напоминал кукольный домик на тонких ножках, уставленный расписными глиняными фигурками. В воздухе сладко пахло дымом и цветочным воском.

Айникки еще не оделась – на ней не было ничего, кроме вышитой рубашки до пола, на груди лежала недоплетенная светло-рыжая коса. Щеки ее горели румянцем, на носу рассыпались веснушки, ясные серые глаза радостно глядели на Ильмо. Девушка схватила охотника за локти и зашептала, косясь на лестницу:

– Фу, насилу вырвалась! Батюшка, как тебя выпроводил, снова затеял разговор о том, какого завидного жениха он мне присмотрел в Заельниках. Что же ты им с Локкой так глупо попался?

– Локка сказала, что ей подал знак предок...

– Ой, не верь! Она тебя уже который день с утра до вечера у ворот подкарауливает. Могу поклясться, что и про погибель рода сама всё выдумала. И как у нее язык повернулся?

– Да ну их всех, – пробормотал Ильмо, отпихнул ногой плошку с огарками свечей, прижал к себе девушку и принялся ее целовать.

– Пусти, дай вздохнуть! – Айникки уперлась ему руками в грудь. – Дай хоть взгляну на тебя, ведь с середины лета не виделась! Что у тебя с рукой?

– Ерунда, сжег пару хийси небесным огнем.

– Ой, Ильмо, может, и прав батюшка? Брось ты ее, эту охоту...

Ильмо отпустил девушку, скрипнул зубами.

– Твой отец... ладно, промолчу. Ты ведь всё слышала, что он мне наговорил?

Айникки кивнула.

– Я давно уже знала, что они хотят тебя изгнать, но не думала, что так скоро. Что будем делать, Ильмо? Батюшка пообещал, что сватов и на порог не пустит. Я-то думала, уговорю его понемногу, заставлю смягчиться...

– Да ведь и я надеялся, – со вздохом признался Ильмо. – Богатый выкуп собирал... Что ж, пришло время тебе решать. Уйдешь со мной?

– А жить где будем – в лесу?

Ильмо снова потянулся обнять девушку.

– Да хоть бы и в лесу! Там хорошо...

– Нет, погоди! Это сейчас хорошо, а что будет зимой? Или к материнской родне податься... Но они далеко, и не знаю я их совсем – примут ли?

– Милая, я все уже решил, – сказал Ильмо. – Я отвезу тебя на Лосиный остров, к матери моего друга Ахти. Они нас примут с радостью. Ахти богат и гостеприимен, можно там хоть бы и совсем поселиться. Перезимуем у них, а там, глядишь, и отец твой смирится – особенно если у него появится внучок...

Айникки сморщила нос в лукавой улыбке.

– Тот самый Ахти, красавец-воин? Не побоишься везти меня к нему в усадьбу? Когда он тут весной гостил, по нему все мои подружки сохли!

Ильмо беспечно махнул рукой.

– Ахти по полгода болтается незнамо где, в чужих землях, всё на месте ему не сидится, словно варгу. А если он решит дома зимовать, так уж мать за ним проследит. Говорят, она поклялась, что, пока жива, ее сын не женится. Кого он только ни привозил, мать всех отправляла восвояси...

– Говорят, она ведьма?

– Про меня тоже всякое говорят...

Внизу послышались голоса и глухой стук шагов. Ильмо и Айникки замерли.

– Так ты согласна бежать? – быстрым шепотом спросил Ильмо.

– Да, да! У меня уж давно на всякий случай короб собран. Встретимся сегодня в полночь на реке, у перевоза.

– А если отец узнает?

– Сегодня же Рябиновая ночь! Я уже договорилась с подружками, что пойдем на реку гадать, и матушке сказала. Только бы короб вынести незаметно...

Айникки на миг приникла к Ильмо, потом подтолкнула его к оконцу:

– А теперь ступай, милый... До завтра...

Ильмо позволил вытолкать себя из горницы, спрыгнул на траву, прокрался через двор, ухватился за ветку, подтянулся и исчез за частоколом.

Глава 6

ЧУДИЩЕ С СЕВЕРА

На вечерней заре, в холодных сумерках уходящего саамского лета, с бурых холмов в стойбище Железного Ворона пришел путник. Его заметили олени пастухи и сначала подумали, что к ним приближается демон-утчи, – хотя гость издали выглядел мирно, собаки, поджав хвосты, с визгом кинулись от него прочь, как от волка. Тогда и пастухи перепугались и, не дожидаясь приближения незнакомца, побежали в стойбище.

Старейшины выслушали весть и молча переглянулись.

– С севера? – переспросил один. – Один? Пастух подтвердил:

– На своих двоих, без поклажи. Как будто с неба свалился.

– С неба?! А нет ли на нем сизого плаща?

– Да, рогатая шапка, – закивал пастух, – и плащ до земли.

– Это тун, – прошамкал третий. – Храни нас, Мяндаш-ёг!

– Гостя надобно встретить, – сказал старейшина Ише, вставая на ноги. – Зовите нойду.

А родичам скажите, чтобы сидели тихо по вежам,¹⁶ и никто пусть не высовывается.

Вскоре путник уже входил в пустое и тихое, словно вымершее, стойбище. Люди, притаившись, сидели по домам, собаки тоже попрятались. Тун спокойно проследовал за лебезящими старейшинами к лучшей, самой просторной веже, и старуха-хозяйка, низко кланяясь, откинула дверной полог. Сел без приглашения на лучшее место – самое дальнее от входа, у очага, под свисающими масками зверей-предков. Старейшины и подоспевший нойда расположились напротив, спиной к холоду. В лицо незваному гостю смотреть не осмеливались, но украдкой поглядывали за спину – где крылья-то? Когда тун входил в стойбище, они были сложены у него за плечами наподобие плотного плаща, а теперь даже нойда их не видел, сколько ни всматривался колдовским зрением и так и этак. Тун выглядел как человек. Почти.

Всем известно, что у оборотня две сущности – человеческая и звериная. Туны, управляя превращением, по своей воле проявляют в мире только одну сущность, а другую скрывают за Изнанкой. Как иначе объяснить, куда тун спрятал широкие крылья, войдя в вежу? И куда он девал свои сапоги и парку из шкуры нерпы, когда когтистой птицей летел над тундрой? Сапоги, к слову, дивные, расшитые мехом и бисером, тонкой саамской работы. Одежда на туне тоже была добротная, саамская. На плече – кожаная торба, в ней нечто угловатое, старательно закутанное в мех. Нойда пригляделся – и в брюхе стало холодно: хийси принесли не простого туна, а чародея-рунопевца.

– Будь здрав, господин, – произнес положенные слова старейшина Ише. – Все ли благополучно в тех краях, откуда ты прибыл? Здоровы ли твои родители?

Нисколько его не заботило здоровье родителей проклятого туна, зато очень тревожило его появление в стойбище. Зачем он здесь? Туны у саами – нечастые гости. Хорошо, если отдохнет, переночует и полетит дальше, а если нет?

– Мать здорова, – обронил тун. – Я здесь ненадолго. У меня важное дело на юге.

Старейшины украдкой перевели дух.

– Прошу, будь нашим гостем, раздели мою пищу и кров, – сказал Ише почти радушно и добавил ритуальную фразу: – Все мое – твое.

Тун рассеянно кивнул, как будто подтвердил – так и есть.

¹⁶ Вежа – летний саамский чум на деревянном каркасе, крытый корой.

В вежу вошли три богато одетые старухи, принесли еду: тонко нарезанную вяленую оленину, тюлений жир с толченой морошкой и брусникой, копченую морскую рыбу. В точеной деревянной миске плескалось еще теплое оленьё молоко. Тун на все эти яства едва взглянул.

– Это я есть не стану, – сказал он. – Мне нужна свежая кровь.

– Что? – перепугались старейшины. – Кровь?

– Я весь день летел, от рассвета до заката, и завтра предстоит столько же. Как мне иначе восстановить силы? – спокойно объяснил тун.

Взглянул на миску с молоком и отмерил ладонью половину:

– Вот столько свежей человеческой крови. Я сейчас лягу спать, перед рассветом разбудите.

Когда проснусь – чтоб была. Да смотрите, чтобы не загустела!

Окинул насмешливым взглядом побелевшие лица.

– Всем ясно?

– Да, господин. Не надо ли ездового оленя, запас пищи в дорогу? – собрав все силы, спросил Ише. – Не прислать ли девицу размять плечи и согреть ложе?

Тун брезгливо поморщился.

– Ничего не надо, а девицы ваши провоняли дымом. Разбудите меня перед рассветом. И чтобы кровь была. Иначе, – глянул хищно, – я ее сам добуду. Ступайте.

Старейшины, пятясь, поползли к выходу. Смирившийся с неизбежным Ише как раз начал прикидывать, сколько здоровых молодых мужчин стойбища понадобится, чтобы без ущерба нацедить необходимую миску крови, когда тун обратился к нему:

– А ты, старик, останься. Я еще с тобой не закончил. И спросил, голосом вгоняя старейшину в дрожь:

– Где Йокахайнен? Почему не пришел меня поприветствовать?

Ише мгновение колебался, не соврать ли, что сын в отъезде, но не рискнул и, обмирая, что-то забормотал про обычаи, почетных гостей и негодных мальчишек...

Тун отмахнулся:

– Тащи его сюда. Старейшина выскользнул из вежи, и вскоре вместо него вошел молодой саами – невысокий, худой, с длинными черными косами и дерзкими узкими глазами.

– Что, хотел спрятаться от меня, ничтожный раб? – зловеще спросил тун.

– Прости, господин, сын должен слушаться отца, а отец велел мне сюда не соваться.

– И ты так бы и сидел в своей веже, пока я не улечу?

– Я сыграл бы на кантеле – ты бы услышал.

– Да я и так тебя учуял еще на полете. К тому же я знал, что тебя здесь застану, потому и сделал крюк до вашего стойбища.

– Счастлив снова видеть учителя. Приветствую, господин мой Рауни.

Саами поклонился с преувеличенным смирением. Тун хмыкнул, перешагнув через очаг и хлопнул его по плечу.

– Давно не виделись, Йо. Садись сюда, есть разговор...

Когда Йокахайнен вышел из отцовской вежи, на улице уже давно стемнело. Юноша потянулся, посмотрел в усыпанное звездами небо. Над горизонтом парил предок рода, Могучий Ворон Тьмы, глядя на тундру желтым глазом – луной. За площадкой, где поднимались в темноту рогатые столбы, посвященные покровителю и прародителю всех саами Мяндашу, оленю-оборотню, мелькнул свет. Кто-то откинул полог вежи и махал ему рукой, подзывая жестами:

– Эй, иди сюда!

В дальней веже с нетерпением поджидали старейшины.

– Ну что, я не ошибся? – приглушая голос, спросил Ише. – Это Рауни, сын Хозяйки Похъёлы? Тот, что учил тебя рунному пению?

– Он самый.

– Сказал, что ему здесь надо?

– Здесь – ничего. Он летит на юг, в земли карьяла. Старейшины несколько мгновений молчали, переваривая новость.

– Стало быть, наши нойда не ошибались, – проскрипел один из них. – Границы больше нет.

– Граница тает, как лед в начале лета, – кивнул нойда. – Пока еще держится, но трещин все больше – вот-вот лопнет...

– Да подожди ты со своими трещинами, – оборвал его Ише. – Зачем Рауни собрался к лесовикам? Почему так срочно и скрытно? Он гонец? К кому?

– Нет, не гонец, – сказал Йокахайнен. – Как я понял, его послали кого-то убить.

Эта новость надолго погрузила стариков в задумчивое молчание.

– Раз Лоухи послала на такое дело собственного наследника, – прошамкал самый старый, – значит, дело это очень серьезное...

– Почтенные, – вмешался Йокахайнен, – я предлагаю дождаться завтрашнего утра. Не хочу вас пугать, но тун способен нас услышать, даже если мы уйдем в холмы.

– Мой сын мудр не по годам, – поддержал его Ише. – Пусть сначала улетит тун.

Предрассветное небо было холодно-розовым, бурая трава поседела от инея. Тун вышел на край стойбища и остановился. Саами, робко и почтительно следовавшие за ним шагах в двадцати, столпились у последней вежи.

– Ну, где кровь?

Ише выступил вперед, с поклоном протянул туну бурдючок. Тун принялся, одобрителем кивнул и выпил его содержимое одним длинным глотком. Когда он обернулся, чтобы отдать бурдючок, все невольно отшатнулись – как есть утки! Нос заострился, как хищный клюв, лицо сузилось, кожа стала чешуйчатой, словно змеиная. С громким хлопком тун выпустил и распахнул крылья. В тот же миг над горизонтом показался край солнца. Свет ударил в глаза саами, а в следующий миг путника уже не было – только в небо плавно поднималась огромная птица, тяжело взмахивая крыльями. Саами провожали туна взглядом, пока он не превратился в далекую точку в розовом небе. Тогда старейшина выпрямился и перевел дух.

– Улетел!

Никто не ответил. Саами развернулись и побрели обратно в стойбище.

Теперь разговор пошел куда свободнее.

– О чем вы вчера говорили полночи? – насел на сына Ише. – Что этому туну от тебя надо?

– Рауни приказал мне отправляться на юг, вслед за ним.

– Зачем?!

– Он хочет, чтобы я вызвал на бой тамошнего колдуна Вайнемейнена.

Старейшины ахнули. Имя знаменитого карьяльского колдуна было хорошо известно в землях саами. Оно и почиталось тут выше, чем имена самых сильных местных нойда.

– Эти похъёльцы потеряли всякий страх! – рявкнул Ише. – Если им нейдет свернуть себе шею, при чем тут мой сын?! Йокахайнен, ты никуда не поедешь! Только ты вернулся из внутренней Похъёлы, только я решил – всё, оставили тебя в покое, и вот опять! Горе нам! Боги покарали нас, послав на наши головы тунов! Они забирают у нас всё, что видят их жадные глаза, а что им не нужно, продают варгам за украшения и оружие! Они как волки среди оленей – приходят и режут. В стойбище больше двухсот мужчин, и ни один этому людоеду ни слова поперек не сказал, когда он потребовал человеческой крови!

Все промолчали. А что тут скажешь?

– Этому крови не дали бы – явились бы другие, взяли сами, – ответил другой старик. – Твоему сыну и в самом деле не след идти к карьяла. Он только навлечет на нас гнев их чародея. Да Вайнемейнен его в землю живьем загонит, а потом примется за нас!

Третий старец покашлял и сказал:

– Этак мы окажемся между гневом карьяльского колдуна и мстью тунов. Нет, пусть Йокахайнен выполнит приказ. Пусть найдет Вяйнемейнена... и расскажет ему всю правду. О том, что творится на земле и на небе, и самое главное – о том, что в его земли тайно направляется сын Лоухи. Пусть чародеи разбираются между собой. При чем тут мы, саами?

– А если тун об этом узнает?

Старики заспорили. Йокахайнен, как младший, почтительно помалкивал, но видно было, что про себя он уже всё решил.

– Сам-то ты что думаешь? – спохватился Ише.

– Я поеду, – сказал Йокахайнен. – Найду этого знаменитого колдуна и вызову его на бой. А там увидим... чего он стоит.

Тем же вечером Йокахайнен отправился в путь. Ему выбрали лучшего ездового оленя, набили сумки сушеным мясом.

– Надеюсь, тебе ясно, что тун тебя подставляет? – провожая, сказал ему отец. – Он хочет, чтобы ты отвлек внимание колдуна, пока сам он будет вершить темные дела в земле карьяла. Он ведь не дурак и понимает, что по сравнению с Вяйнемейненом ты просто мальчишка...

– Это мы еще посмотрим, – холодно улыбаясь, повторил сын.

Глава 7 СОСНОВЫЙ СОК

Последние лет пятьдесят – с тех пор как решил осесть на одном месте – колдун Вяйнемейнен жил на горе у озера Кемми в полудне пути от селения рода Калева. Одинокая гора, которую местные так и называли – Вяйнола, – круглой зеленой шапкой возвышалась над лесами. С южной стороны она обрывалась к самой воде отвесной скалой. С края обрыва можно было рассмотреть всё огромное озеро Кемми, блестящее, как перламутр, в лучах солнца, – и острова, и оба обнимающие озеро берега, и далекие рыбацьи лодки, и даже, в голубой дымке, противоположный берег, куда сородичи Ильмо никогда не плавали и знать не желали, что там находится.

Потомки Калева очень гордились знаменитым чародеем и всячески угождали ему, чтобы не вздумал переселиться в другие места. Хотя Вяйно сам вел хозяйство, всё равно карьяла по три-четыре раза в месяц носили ему на гору гостинцы: свежие ржаные хлебцы, рыбные пироги, творог и простоквашу. Заодно просили помочь – редко, лишь тогда, когда не справлялась Локка. Жители Калева к Вяйнемейнену давно привыкли и совсем его не боялись. Люди ведь боятся далекого, незнакомого, чужого. Вяйнемейнена почитали во всех землях карьяла, но для северян он был добрым соседом, а на юге, в светлых борах и высоких песчаных дюнах взморья, у скалистых водопадов Иматры, Вяйнемейнен давно уже стал таинственным героем сказаний.

Вся жизнь чародея, начиная с рождения, была овеяна чудесами. Легенды гласили, что Вяйнемейнен родился чуть ли не прежде, чем из моря поднялась земля. Давным-давно, во Времена Сновидений, богиня Ильматар, тогда еще не Небесная Жена, а Дева Ветра, заскучала в одиночестве среди просторных воздушных дворов, среди непаханных небесных полей. Спустилась она вниз, на морской хребет, да и угодила в бурю, и от ветра и волн зачала сына. Через семьсот лет она снесла яйцо, из которого вылупился ребенок. Истинное его имя было скрыто – «Вяйнемейнен» означало попросту «вещий старец». Детство и юность он провел в море. Но однажды, увидев со дна смутный отблеск солнца, устремился вверх и потащил за собой землю. И как головастик со временем превращается в лягушку, так и Вяйнемейнен, выйдя на сушу, родился еще раз, по-настоящему, и вместе с ним появился человеческий род.

Что еще люди рассказывали про карьяльского колдуна? Как он засеял пустую землю деревьями, а потом, расчищая первое поле, вырубил их, оставив только одну березу, чтобы птицы могли вить там гнезда, и в благодарность за это орел принес ему и всем людям огонь Таара. Как сражался с древним великаном Випуненом, у которого вместо волос росли ели и сосны, и как великан проглотил его, а потом не знал, как избавиться от воина свое прожорливое чрево. Как в молодости колдун сватался к Деве Похьёлы – чем закончилось сватовство, сказки умалчивали. Как вместе с бесстрашными райденами разорял границы Похьёлы и ходил на заколдованной лодке до самого края земли. Как рунным пением убивал ужасных северных чудовищ...

В деревне Калева тоже любили послушать эти сказки. Но в душе подозревали: великий чародей из легенд – какой-то совсем другой Вяйнемейнен. Ведь не тот же добродушный, хоть иной раз и колючий на язык старичок, сухонький и белобородый, в опрятной домотканой рубашке и потертой волчьей телогрейке, что каждое утро закидывает сети в озеро Кемми? Что с того, что даже самые древние старики не могли вспомнить деда Вяйно молодым?

Возле самой верхушки горы, на широкой поляне, огражденной со всех сторон бором, стояла усадьба колдуна. Просторная, сложенная в лапу изба из темно-золотистых сосновых бревен, украшенная резьбой, смотрела на юг, где в просвете между соснами синело озеро. Вниз, к озеру, вела в обход обрыва крутая тропинка; там у воды стоял сарай, где колдун хранил сети, и добрая лодка на катках – подношение от рыбаков рода Калева.

На широком крыльце сидели рядом Вяйнемеинен и Ильмо. Старик строгал сосновую плашку, охотник рассказывал о своих злоключениях за последние дни: и о странных снах, и о битве с хийси...

– Что скажешь, Вяйно?

Вяйнемеинен глядел, как у него под ногами ветер раскачивает кроны сосен, а нож в его сморщенных руках все выглаживал лезвием лучину.

– Похоже, тебя там поджидали. Кто-то знал, что ты побежишь на помощь женщине, что не сможешь поднять руку на младенца. Не заговори подменыш, остался бы ты в корзине. Повезло тебе, парень.

– Да уж, мне последнее время сплошное везение! Кто-то хочет убить, да еще и из рода гонят прочь...

– Экая важность, гонят. Не догадайся ты прийти ко мне, был бы уже мертв. Знаешь, откуда родом девица-чародейка, которая искала тебя в твоих снах? Из Похьёлы.

– Из Похьёлы? – дрогнувшим голосом повторил Ильмо. – Почему ты так думаешь?

– Я знаю. Именно так выглядят туны. Это их способ искать потерянное – смотреть в чашу с морской водой. Одно меня удивляет – на кой им сдался *ты*?

– Вот и Калли тоже удивлялся... Знаешь, он предложил мне кинуть руны, и выпало, что во сне меня ждет смерть. Что бы это значило?

– Всё что угодно. Вяйно задумался.

– Но если сопоставить это с твоими видениями и той чародейкой, история получается совсем нерадостная. Высшая магия тунов не разделяет сон и явь. Но, будучи порождениями Калмы, они пользуются своим знанием только во зло.

– Это как?

– А так – если ты, к примеру, уснешь и не проснешься. А твоя душа еще долго будет блуждать среди снов, разыскивая путь назад в тело. Может, и найдет, да только тела к тому времени уже не останется.

Ильмо тихо выругался.

– И что мне с этим делать?

– Если я прав насчет похьельской магии, тебе самому с этим не справиться. Давай-ка поступим так. Ты пока останешься у меня. Спать можешь безбоязненно, здесь тебя никакая чародейка не найдет. А я отправлюсь на гору Браге, посмотрю на останки твоего подменыша и попробую выяснить, кто хочет твоей гибели.

– Может, я с тобой? Там Калли остался и собаки...

– Ни к чему. Их-то, в отличие от тебя, похьельцы не ищут. Я туда и обратно. Вернусь, – Вяйно что-то прикинул про себя, – к завтрашнему утру.

«Теперь понятно, – понял Ильмо, прекрасно знавший, что одна дорога до Браге и назад занимает четыре дня, – почему ты не хочешь меня с собой брать».

Хорошо быть колдуном, подумал он с легкой завистью. То, что для него смертельная опасность, – для старого Вяйно легкая загадка на один день.

– Спасибо, Вяйно. Я вообще-то не собирался все это на тебя перекладывать, просто посоветоваться хотел, – сказал он, глядя, как из-под старикова ножа сыплется на землю тонкая стружка. – Чтоб я еще от девки бегал!

– Похьельская девка съест тебя с потрохами и не поперхнется, – насмешливо сказал Вяйно. – Без всяких шуток, Ильмо. К счастью для тебя, она отсюда очень далеко. Но у похьельцев есть слуги, которых Борозда Укко не удержит. Нет, парень, тебе одному с похьельцами не справиться. Да еще и раненому. Показывай, что там у тебя с рукой!

Ильмо принялся разматывать холстяные полоски с правой ладони. Повязка, пропитанная чем-то черным, пованивала болотной гнилью и еловой смолой.

– Кто накладывал повязку?

– Калли.

– Опять этот несчастный Калли... Ты хоть знаешь, чем он холсты пропитал?

– Нет. Я не спрашивал.

Вяйно поднял голову, внимательно взглянул на охотника.

– Ты ему настолько доверяешь?

– Конечно! – уверенно ответил Ильмо. – Как себе! Мы же друзья!

– А если подумать?

Простой вопрос колдуна неожиданно смутил Ильмо. Ему вдруг почудилось, будто он заглянул в болотное окно... и ничего там не увидел, кроме торфяной черноты.

– На что это ты намекаешь?

– Ни на что. Пусть всё идет своим чередом... Повязка наконец была снята. Вяйно отодрал от раны присохший кусок холстины и теперь рассматривал ладонь.

– Ого, знак Таара! – заметил он, изучая выжженную громовую стрелу в черном круге. – Может, на память тебе его оставим?

– Давай, смейся над калеккой...

– Откуда ты взял боевой оберег? Неужели сам вырезал?

– Ну... честно говоря, я его купил на торгу в Брусничном. У заезжего «хранителя имен». Он обещал, что оберег будет мгновенно превращать хийси в пепел!

– Знавал я некогда одного райдена, – усмехаясь, произнес Вяйно. – Многие – а более всего он сам – считали его могущественным колдуном. Как-то раз один парень из его ватажки поранил себе руку и попросил того охотника заговорить ему рану, остановить кровь. Дело-то, в общем, пустяковое...

– Ну и?

– Остановить-то он остановил... И кровь остановил... и все ручьи и реки вокруг того места... и даже подземный поток Маналы, что в царстве мертвых... уж не знаю, что там творилось в Голубых полях...

Ильмо захохотал.

– А хватило бы одного правильного слова, – назидательно завершил Вяйно.

И отпустил руку Ильмо.

– Ты что, лечить ее не будешь?

– Я – нет. Дерево и огонь, – забормотал Вяйно. – Через дерево пришла сила, убила древесного духа, запечатала испорченное дерево – так пусть дерево рану и вылечит, угасит огонь Таара, что жжет твою ладонь.

– Это как же – дерево?

– Пойдем, что-то тебе покажу.

Вяйно встал с крыльца и подошел к воротам, Ильмо за ним.

– Познакомься с моей ученицей.

– Где? – завертел головой Ильмо.

– Да вот она, – ответил Вяйно, показывая на одиноко растущую пушистую сосенку.

– Ты взял в ученики *дерево*?!

– Почему бы нет? Она твоя ровесница. Я сам ее сажал, она ко мне с детства привыкла. Человеческой речи обучил, теперь мы с ней разговариваем. А почему именно дерево... Вы, потомки Калева, недолговечны: только-только обучишь парня, а он, глядишь, уже внуков нянчит. А сосна – совсем другое дело. По воле богов, лет через двести вырастет не дерево, а загляденье...

Ильмо обошел сосенку кругом, погладил по коре, пробежался кончиками пальцев по иглам. Сосна отвечала ему робким вниманием, в котором Ильмо уловил едва заметную усмешку. Конечно, ведь он много раз видел эту сосну, и даже мимоходом удивлялся, почему старик ее не выкорчует, но ему и на ум не приходило...

– Не из такого ли дерева знаменитый райден Муура вырезал себе лыжи-самоходы?
Вяйно нахмурился.

– Из такого. Только помнишь, что с ним потом стало?

– А как же! Завистники погубили, да еще как жестоко – напоили ополосками его собственных портянок...

– Так-то. В общем, ты на дерево-то мое не посматривай...

– Да я и не думал ни о чем таком, – пожал плечами Ильмо. – Всё равно оно пока ни на что не годно. Ни на лыжи, ни на самострел... разве что ложку вырезать.

Вяйнемейнен хмыкнул.

– Не о том думаешь. А она ведь понимает. Неужели ты считаешь, что тебя станет лечить дерево, из которого ты собираешься резать ложку?

– Да я пошутил!

– Тогда приступай.

Вяйно отошел к крыльцу и уселся на нижнюю ступеньку.

– Что мне надо сделать?

– А это уж тебе виднее. Кто из нас круглый год бродит по лесу?

Ильмо кивнул и подошел к сосенке, не очень представляя, как ему поступить.

Нет, конечно, он всегда знал, что деревья так же разумны, как и люди. Они могут и помочь, и навредить, наградить и отомстить. Деревья мудры, у них долгая память, а потому странника всегда первым делом спрашивают о том, что ему рассказали встреченные по пути деревья, а уж потом – люди. Ильмо знал, что сосна – дерево-воин, а ель – дерево-колдун. Что липа щедро делится своей силой со всяким прохожим, а дуб – только с тем, кто способен ее взять не надорвавшись. Что ольха привлекает нечисть, а можжевельник ее распугивает. Что осина – дерево никудышное и опасное – растет ногами в болоте, своей жизненной силой ей не хватает, и она наловчилась пить ее из людей. Что рябина хранит домашний очаг для многих поколений, и лучше вырезать весь род до последнего младенца, чем срубить растущую у порога рябину...

Но просить дерево, чтобы оно вылечило ожог?

Ильмо прикоснулся ладонью к шершавому стволу. Да, сосенка готова помочь. Но как принять ее помощь?

Охотник закрыл глаза и вызвал в памяти то утро, когда всё началось. Когда он преследовал росомаху и переходил овраг, приближаясь к корбе. Когда нарождающийся день был еще не обманчивым и кровавым, а сияющим и свежим, и каждая капля росы в лучах солнца казалась каплей меда... Неожиданно для себя он повернул руку ладонью вверх, подставил ее под зеленые метелки и пропел:

– Мед на ветки с неба капал,
тек напиток на вершину,
с дождевых небесных тучек,
с облаков, летящих быстро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.